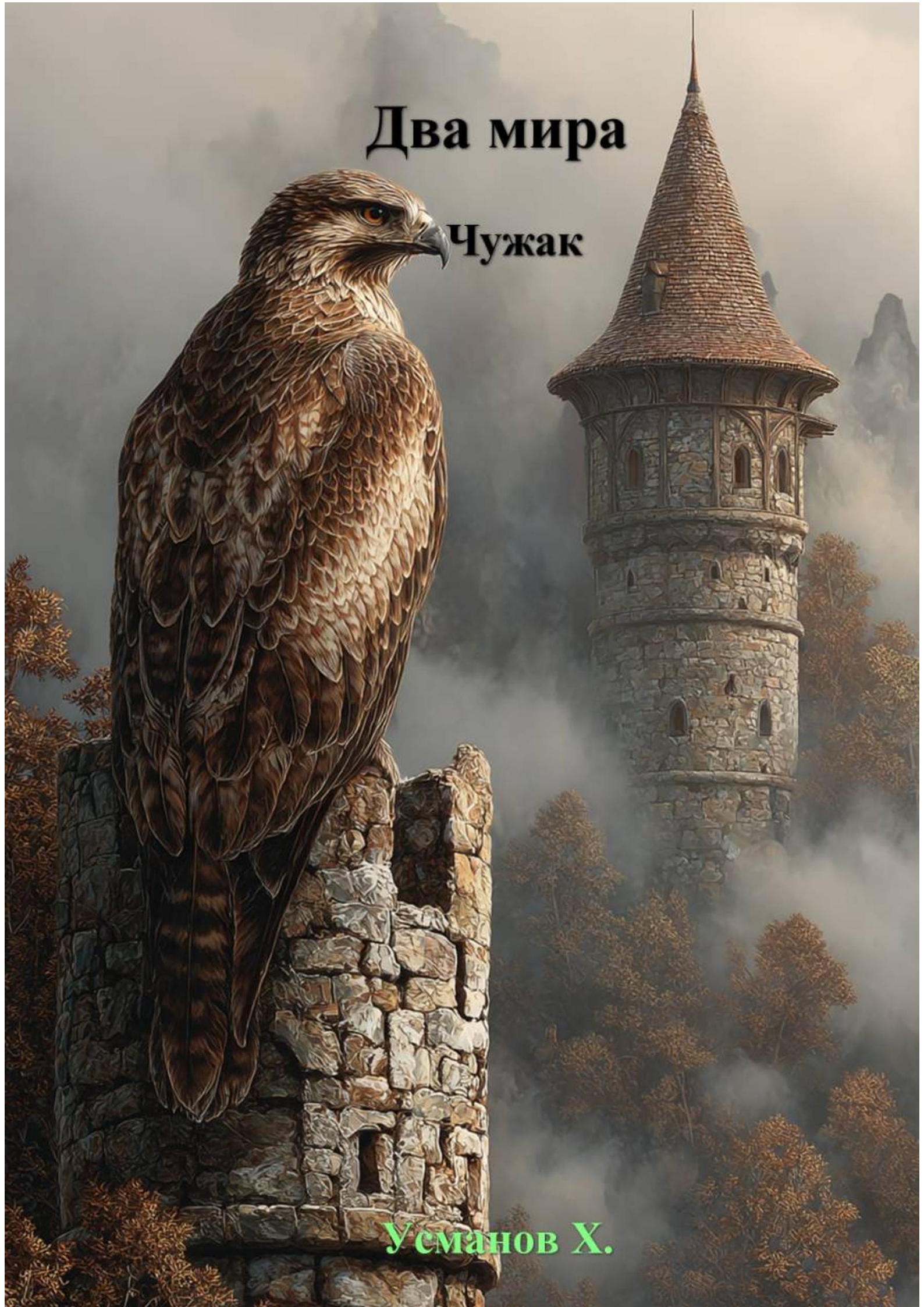

Два мира

Чужак

Усманов Х.

Хайдарали Усманов

Два мира. Чужак

«Автор»

2026

Усманов Х.

Два мира. Чужак / Х. Усманов — «Автор», 2026

Жизнь Алексея только начиналась. Да, тяжёлая. Самостоятельная. Но несчастный случай прямо на выпускном вечере всё уничтожил. Ведь парень, спасая других, погиб в пожаре. Но то, что другие видели, как гибель, для самого парня оказалось дверью в новую жизнь. Тоже не такую уж и лёгкую, как хотелось бы. Ведь он, пройдя сквозь пламя, оказался в мире, где мистика и выдуманные на Земле кошмары, оказались реальностью. Но появление парня в этом мире даже самому ему кажется подозрительным. Ведь даже его собственная кровь оказывается чем-то неведомым для этого мира. Что могло его не только возвысить, но и погубить. И теперь ему предстояло балансировать на этом лезвии, чтобы выжить. И как у него это получится, сложный вопрос

© Усманов Х., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Граница	5
Люди за стеной	20
Человек из столицы	44
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Хайдарали Усманов

Два мира. Чужак

Граница

Горы здесь начинались внезапно. Ещё несколько десятков ли к югу дорога шла среди зелёных холмов, рисовых террас и редких деревень, где по утрам над крышами поднимались тонкие струйки дыма, а по склонам паслись небольшие стада. Там воздух был мягким, влажным и пах землёй, молодой травой и древесной смолой. Весной горы покрывались цветами, летом — густой зеленью, осенью — багрянцем клёнов и золотом трав, а зимой белый снег ложился на ветви старых сосен так ровно, словно сами Небеса укрывали землю чистым шёлком.

Но стоило путнику подняться выше и свернуть на северную дорогу, как мир постепенно менялся. Сначала исчезали деревни. Потом становилось меньше птиц. Затем пропадали даже привычные звуки леса. Дорога, прежде широкая и утоптанная множеством ног, с каждым ли становилась всё уже. Каменные плиты, уложенные ещё неизвестно какими мастерами, выступали из земли неровными ступенями. Между ними пробивалась трава, а кое-где корни старых сосен и кедров настолько сильно раздвинули камни, что путнику приходилось буквально искать место, куда поставить ногу. Горы поднимались всё выше. Они теснили дорогу с обеих сторон, словно две огромные стены, оставленные здесь древними богами. Их склоны были покрыты густыми лесами, но чем выше становилась дорога, тем реже встречались деревья. Вместо них появлялись голые скалы, поросшие мхом, низкие кустарники и искривлённые ветром сосны. А затем перед путником возникал перевал. Он был настолько узким, что два больших повозочных обоза едва могли разойтись на нём. Слева возвышалась отвесная каменная стена, уходившая в облака. Справа зияла глубокая пропасть, на дне которой белой нитью извивалась горная река. Её шум был слышен даже отсюда, но увидеть саму воду удавалось лишь в редких местах, где между облаками тумана открывался взгляд вниз.

Именно здесь стояла крепость. Маленькая. Почти ничтожная по сравнению с окружающими её горами. Она казалась скорее сторожевой башней, случайно забытым на краю света убежищем, чем настоящим военным укреплением. Несколько рядов тёмного камня образовывали невысокую стену. В некоторых местах кладка была настолько старой, что между камнями пророс мох. На стенах стояли деревянные зубцы, потемневшие от дождей и времени. По углам возвышались две сторожевые башни с тяжёлыми крышами, покрытыми серой черепицей. На самой высокой точке крепости развевался длинный узкий флаг. Когда-то он, должно быть, был алым. Теперь же ткань выцвела до тёмно-бурого цвета. На ней всё ещё можно было различить вышитый знак — стилизованного тигра, державшего в лапах солнце. Это был знак человеческой стороны. Знак того, что здесь начиналась земля, которую люди всё ещё считали своей. Внутри крепости находилось всего несколько десятков воинов. Небольшой казарменный двор. Колодец. Склад. Конюшня. Дом начальника заставы. Небольшой храм предков. Кухня с закопчённой трубой. И старые ворота, над которыми висела деревянная табличка. Краска на ней давно облупилась, но три иероглифа всё ещё оставались различимыми.

Северные Врата.

И всё же ни один человек, впервые увидевший это место, не смог бы назвать его просто крепостью. Потому что крепость стояла не на границе государства. Она стояла на границе двух миров. Это становилось понятно ещё задолго до того, как путник достигал ворот. Стоило подняться на последние каменные ступени перевала, и перед глазами открывалось зрелище, которое невозможно было объяснить обычными словами. Здесь сама земля была разделена. Не

рекой. Не стеной. Не дорогой. Не древним указом императора. Словно кто-то однажды взял огромный невидимый клинок и провёл им по горам от самого неба до глубин земли. И одна сторона мира осталась принадлежать людям. А другая — чему-то совершенно иному.

На южной стороне перевала природа продолжала жить. Причём жила она так яростно, словно стремилась доказать всему миру, что никакая зима, война или смерть не способны заставить её замолчать. На склонах росли старые сосны. Их стволы были толстыми, покрытыми глубокими трещинами. Некоторые деревья были настолько древними, что их корни, выступавшие из земли, напоминали пальцы огромных стариков. Между камнями цвели мелкие горные цветы. Жёлтые. Белые. Фиолетовые. Красные. В низинах росли заросли бамбука, и каждый порыв ветра заставлял зелёные стебли тихо сталкиваться друг с другом. В лесу прятались птицы. На скалах грелись небольшие ящерицы. В утренние часы над травой летали насекомые, а в расщелинах между камнями можно было увидеть тонкие паутины, покрытые росой. Даже воздух здесь казался наполненным жизнью. Он пах хвоей, влажной землёй, цветами и водой. Солнце, пробивавшееся сквозь облака, окрашивало вершины гор золотом. Туман стелился по ущельям белыми лентами. А ветер приносил с юга запах далёких лесов.

Но стоило человеку повернуть голову в другую сторону... И всё исчезало. Не постепенно. Сразу. Будто кто-то провёл черту. Там, где заканчивалась “человеческая” земля, зелёный лес обрывался. Последние сосны стояли искривлёнными, чёрными силуэтами. Некоторые из них были мертвы. Другие ещё сохраняли несколько ветвей, но их иглы имели странный серо-фиолетовый оттенок. Трава исчезала. Цветы исчезали. Мох исчезал. Даже камень менялся. Обычный серый гранит становился почти чёрным. На его поверхности появлялись длинные трещины, внутри которых мерцал тусклый багровый свет. Некоторые валуны словно были оплавлены. Другие выглядели так, будто их плоть — если у камня вообще могла быть плоть — медленно выворачивалась наружу. На поверхности скал росли наросты, похожие на застывшие корни. Только корнями они не были. Они напоминали чёрные вены. Иногда из трещин вырастали тонкие изогнутые шипы. Иногда они шевелились. Очень медленно. Почти незаметно. Но достаточно, чтобы любой опытный воин, увидевший подобное, молча положил руку на рукоять меча.

Небо над этой стороной также казалось другим. Солнце здесь светило. Но его свет был тусклым. Будто между ним и землёй находился невидимый слой грязного стекла. Облака имели серо-зелёный оттенок. А далеко за чёрными горами постоянно висела огромная тёмная туча. Она никогда не уходила. Никто из живущих возле перевала не знал, откуда она приходила. Никто не видел, чтобы она двигалась. Она просто была. День за днём. Год за годом. Над Демонической землёй. Иногда из неё били молнии. Но это были не обычные молнии. Они не сверкали белым или голубым светом. Они были багровыми. И после каждого такого разряда в горах раздавался глухой грохот, словно где-то глубоко под землёй просыпалось огромное существо. Даже ветер здесь был другим. На человеческой стороне он был холодным или тёплым, приносил запахи леса и дождя. С той стороны он приносил запах гари. Старой крови. Гнилых растений. И чего-то металлического. Иногда ветер стихал совершенно внезапно. Тогда над перевалом воцарялась такая тишина, что становилось слышно собственное дыхание. А затем издали доносился звук. Не крик. Не вой. Не рёв. Что-то среднее между ними. Словно в глубине Демонического мира кто-то огромный медленно проводил когтями по каменной стене. В такие моменты воины крепости никогда не разговаривали громко. Они знали правило. Если слышишь голос из-за границы — не отвечай. Если видишь силуэт в тумане — не зови его. Если кто-то стоит за воротами ночью — не открывай. И самое главное... Если услышишь, как кто-то зовёт тебя по имени из Демонической стороны... Никогда не оборачивайся. Потому что граница действительно была здесь. И люди это чувствовали. Даже самые обычные крестьяне. Даже дети. Даже животные. Лошади начинали нервничать, едва приближались к перевалу. Они переставали есть, прижимали уши и старались развернуться назад. Собаки рычали в сторону

чёрных гор. А птицы никогда не перелетали через линию. Никогда. Можно было увидеть, как стая поднимается над лесом, кружит над ущельем, а затем резко меняет направление. Будто натывается на невидимую стену. И потому крепость здесь была необходима. Пусть маленькая. Пусть старая. Пусть её стены давно нуждались в ремонте. Она была последним местом, где человек мог сказать:

“Дальше нельзя.”

На вершине ворот висели десятки деревянных табличек с молитвами. На некоторых были написаны имена погибших воинов. На других — древние заклинания. Третьи были настолько старыми, что письма на них уже невозможно было разобрать. По обе стороны ворот стояли каменные статуи. Два льва. Или, точнее, существа, лишь отдалённо напоминавшие львов. Они были вырезаны из белого камня и покрыты многочисленными защитными рунами. Одна статуя смотрела на юг. Другая — на север. Между ними висела бронзовая колокольная чаша. Она была огромной. Каждый удар в неё должен был слышаться далеко в горах. Говорили, что когда-то этот колокол создали монахи из далёкого храма. Внутри металла была запечатана частица духовной силы нескольких десятков мастеров. Поэтому колокол не просто издавал звук. Его звон отталкивал демоническую энергию. Именно поэтому ночью возле ворот всегда стоял один человек. Не часовой. Не стражник. Звонарь. Его задача была проста. Следить за колоколом. Если из Демонической стороны появлялось нечто опасное, он должен был ударить в него трижды. Если же граница начинала разрушаться... Семь раз. А если колокол звонил девять раз... Все в крепости знали, что это означало. Открыть ворота. Сжечь сигнальные факелы. Послать весть на юг. И готовиться умереть. Потому что девять ударов означали одно. Демоны идут. И всё же самым страшным в этом месте была не крепость. Не тёмные горы. Не чёрный камень. Не багровые молнии. И даже не голоса, которые иногда слышались из тумана. Самым страшным было то, насколько естественно всё это выглядело. Словно два мира всегда существовали рядом. Словно человеческий лес и Демоническая пустошь были двумя половинами одного существа.

С одной стороны — жизнь... С другой — смерть... С одной — солнце... С другой — вечные сумерки... С одной — вода, цветы, птицы и зелёные горы... С другой — чёрный камень, искривлённые деревья, туман и безмолвие...

И посередине всего этого стояла маленькая крепость. Одинокая. Старая. Почти забытая остальным миром. Она не могла остановить армию демонов. Не могла выдержать настоящую осаду. Не могла сравниться с великими крепостями столицы. Но ей и не требовалось быть непобедимой. Её предназначение было другим. Она должна была напоминать. И людям. И демонам. Что между двумя мирами всё ещё существует граница. Пока над её стенами развевался старый флаг. Пока в каменном храме горела лампада. Пока ночной ветер раскачивал бронзовый колокол. Пока хотя бы один человек стоял на сторожевой башне и смотрел в сторону чёрных гор... Граница оставалась границей. А два мира — двумя мирами.

Проблема заключалась в том, что граница никогда не оставалась спокойной надолго. Иногда проходили месяцы. Иногда — целая зима. Крепость могла неделями жить своей обычной жизнью. Дежурные менялись на башнях, повара ругались из-за дров, солдаты чинили обувь, сушили одежду возле очага и спорили о том, кому сегодня предстоит идти за водой. Но потом наступал день, когда с Демонической стороны приходил туман. И тогда никто уже не думал о повседневных заботах. Туман был первым признаком. Не всегда. Но достаточно часто, чтобы каждый воин, прошедший на перевале хотя бы несколько лет, начинал бояться именно его. Обычный горный туман поднимался из ущелья, цеплялся за скалы, стелился между деревьями и постепенно рассеивался под солнечными лучами. Искажённый туман вёл себя иначе. Он не поднимался. Он *полз*. Медленно. Тяжёлыми серыми клубами. Словно обладал собственным весом и собственной волей. Он не подчинялся ветру. Ветер мог дуть с севера, но туман двигался на юг. Могло начаться сильное солнце, однако серые клубы продолжали лежать в низи-

нах. Иногда они останавливались прямо на границе, будто наткнувшись на невидимую стену. И тогда несколько часов ничего не происходило. Туман просто стоял. Ждал. А затем одна его тонкая струя переползала через каменную линию. И всё начиналось. Искажённый туман был не просто ядовитым воздухом. Он менял живое. Сначала почти незаметно. Человек, вдохнувший его, мог несколько часов чувствовать лишь слабость и головную боль. Потом начинали дрожать пальцы. В ушах появлялся тихий звон. Перед глазами иногда возникали тёмные пятна. На второй стадии кожа становилась холодной. Даже в жару. Человек начинал жаловаться, что ему постоянно холодно, хотя остальные вокруг потели от тяжёлой одежды. Появлялась жажда. Сильная, мучительная. Но вода почти не помогала. Затем приходили сны. Всегда похожие. Человеку снились чёрные горы. Дорога. Огромное пустое небо. И чей-то голос, который звал его по имени. Наутро некоторые уже не помнили собственных снов. Другие помнили их слишком хорошо.

А затем начинались изменения. У кого-то темнели ногти. У кого-то по коже проступали тонкие чёрные линии, похожие на сосуды. У кого-то радужка глаза приобретала необычный оттенок. У некоторых начинали расти волосы там, где их прежде не было. У других, наоборот, волосы выпадали клочьями. Но самым страшным считалось не это. Страшным считалось изменение духовного дыхания. Потому что в этом мире каждый человек обладал определённым естественным ритмом жизненной энергии. Он был слабым. Почти незаметным. Но одинаковым у всех. Именно это называли нормой. Человек должен был оставаться человеком. Его тело должно было быть слабым. Его энергия — ограниченной. Его пределы — понятными. Любое отклонение от этого считалось подозрительным. Если человек начинал видеть в темноте лучше обычного — это считалось воздействием скверны. Если рана заживала слишком быстро — скверной. Если он становился сильнее, чем позволяла его природа, — скверной. Если мог без причины чувствовать приближение демонического тумана — тем более. А если человек вдруг обнаруживал способность управлять... Как это называлось... собственной жизненной энергией... Для него всё заканчивалось немедленно. Потому что в этом мире не существовало понятия “одарённый человек”. Не существовало слова “талант”. Не существовало безопасного объяснения. Была только норма. И было отклонение. А отклонение означало воздействие скверны, и проявление демонических сил.

Именно поэтому представители гарнизона боялись не только тех, кто приходил из-за границы. Он боялся тех, кто мог вернуться обратно. Иногда из тумана действительно выходили звери. Но зверями они оставались лишь отдалённо. Горные волки могли вернуться с двумя парами глаз. Обычные кабаны становились огромными, покрываясь костяными пластинами. Птицы теряли перья, и вместо них на крыльях появлялись тонкие кожистые перепонки. Змеи вырастали до размеров человеческого тела. А некоторые существа вообще переставали напоминать то, чем были раньше.

Однажды из тумана вышел олень. По крайней мере, сначала стражник решил, что это был олень. У него действительно были четыре ноги. Копыта. Рога. Морда. Но рога росли не вверх. Они изгибались назад и переплетались вокруг головы, словно огромные чёрные ветви. Из пасти постоянно капала густая тёмная жидкость. А под кожей, даже когда он стоял на месте неподвижно, двигалось что-то ещё.

Этот олень стоял на границе несколько мгновений. Пристально смотрел на крепость. А затем вдруг бросился вперёд. И хотя стражники и успели закрыть ворота, это существо ударило о них с такой силой, что несколько человек за воротами упали на колени. Дерево треснуло. Затем последовал второй удар... Третий... И тогда командир гарнизона приказал открыть бойницы. Не потому, что хотел дать зверю возможность войти. А потому, что понял главное... Если ворота сломаются, то оно окажется внутри.

Стрелы полетели одна за другой. Обычные стрелы. Без чар. Без духовных печатей. Без какой-либо особой силы. Именно потому, что у этих людей не было ничего другого. Они не

были мастерами Дао. Не владели духовными техниками. Не могли сформировать защитную ауру. Не могли остановить демоническую энергию собственной волей. Они были солдатами. И всё. Поэтому их оружием становились железо, огонь, масло, копья, арбалеты и дисциплина. Стрела в глаз. Копьё в горло. Меч по суставу. Огонь по плоти. Так они воевали. Грубо. Просто. Без красоты. Именно поэтому после каждого прорыва крепость пахла дымом. Иногда — кровью. Иногда — горелой шерстью.

Но хуже всего было то, что после зверей приходили люди. Людей всегда боялись больше. Потому что зверя было легко узнать. Человек мог выглядеть совершенно нормально.

Однажды на рассвете дозорный заметил фигуру на дороге. Человек шёл с юга. То есть со стороны человеческих земель. На плече он нёс небольшой мешок. Одежда была порвана. Лицо покрыто грязью. Он выглядел как обычный путник. Дозорный уже хотел крикнуть ему, чтобы тот остановился, когда человек поднял голову. И улыбнулся. Улыбка была совершенно обычной. Именно это испугало солдата больше всего. Потому что глаза у путника были нормальными. Руки — нормальными. Лицо — нормальным. Но его тень падала не в ту сторону. Солнце находилось справа. Тень должна была уходить влево. Она же... Уходила вперёд... Заметив эти странности, дозорный на мгновение замер. Затем ударил в колокол. Трижды.

Путник остановился.

— Я человек. — сказал он.

Слишком спокойно. Слишком уверенно.

— Я из деревни у южного подножия.

Но ему никто ему не ответил. Воины уже закрывали ворота. Лучники занимали позиции. Копейщики выстраивались за внутренним проходом. Человек посмотрел на них.

— Я не заражён.

Именно тогда один из молодых солдат опустил лук. Ему стало жалко путника. Он уже сделал шаг вперёд. Но старший воин схватил его за плечо.

— Не смей.

— Но он человек...

— Пока мы этого не знаем.

— Посмотрите на него!

— Я и смотрю. И не только на него!

И старший воин указал на землю. Тень путника уже начала двигаться. Она медленно вытягивалась по камням. Сама по себе. Никто не шевелился. А затем человек закрыл глаза. Всего на одно мгновение. Когда он их открыл, его взгляд изменился. Зрачки стали вертикальными. Кожа вокруг глаз потемнела. А затем он закричал. Не от боли. От ярости. И бросился к воротам. После этого никто уже не задавал вопросов. В таких случаях существовал только один приказ. Ликвидация. Не пленение. Не лечение. Не расследование. А именно... Ликвидация... Потому что если заражённый человек действительно возвращался из Демонической земли, никто не мог знать того, сколько скверны он уже принёс с собой. А если существовала хотя бы малая вероятность того, что он способен передать её другим... Этого было достаточно. Таков был закон.

Именно поэтому гарнизон иногда убивал тех, кто ещё мог выглядеть человеком. Именно поэтому в крепости существовало страшное правило:

“лучше убить одного невиновного, чем позволить скверне заразить десятых.”

Никто не говорил об этом вслух. Но каждый знал. Особенно после того, как происходили настоящие прорывы. Обычно они начинались ночью.

Сначала на северной стороне появлялся свет. Бледный. Зеленоватый. Иногда багровый. Затем слышался гул. Камни начинали дрожать. С крыш крепости падала пыль. Лошади в конюшне сходили с ума. А затем из тумана появлялись первые силуэты. Десятки. Иногда сотни. Звери. Люди. Полулюди. Нечто, чему невозможно было подобрать название. Они двигались

вниз по перевалу. И гарнизон встречал их. На стенах зажигались жаровни. Кузнецы разносили запасные копыя. Лучники натягивали тетивы. Воины поливали ступени маслом. Ворота запирались тяжёлыми балками. Колокол начинал бить. Раз. Другой. Третий. Его звук катился по горам. И каждый удар словно напоминал людям:

“Вы ещё здесь.”

Первую волну старались уничтожить до каменной линии. Вторую встречали у самой стены. Если враг приближался к воротам, сверху лили кипящее масло... Но когда его не хватало, в дело шёл даже раскалённый песок... Если же звери лезли на стену, их сбрасывали вниз копиями. Если туман проникал внутрь крепости, солдаты закрывали лица мокрой тканью и поджигали заранее подготовленные связки лекарственных трав. Они не знали, действительно ли дым помогал... Но верили в том, что помогал. А вера для людей, лишённых всякой особой силы, была почти таким же оружием, как сталь.

После каждого прорыва начиналась вторая битва. Самая страшная. Поиск заражённых. Все жители крепости проходили проверку. Все. Солдаты. Кузнец. Повар. Конюх. Дети тех, кто жил при гарнизоне. Даже старый настоятель маленького храма. Каждый должен был показать руки. Глаза. Лицо. Язык. Проверялись дыхание и пульс. Смотрели, нет ли тёмных линий под кожей. Нет ли необычного блеска в глазах. Нет ли изменений в голосе. Затем человека просили сделать несколько простых движений. Поднять тяжёлый камень. Сжать деревянную палку. Пройти по прямой линии. Не потому, что это имело какой-то настоящий смысл. А потому, что люди боялись скверны. Боялись настолько сильно, что цеплялись за любые признаки. И если кто-то вдруг оказывался сильнее положенного... Воины переглядывались. Если человек проходил испытание слишком легко... Его просили повторить. Если он повторял ещё легче... Наступала тишина. Иногда человек сам понимал, что произошло. И начинал плакать.

— Я не знаю почему...

— Я ничего не делал...

— Я не ходил туда...

— Я просто стал сильнее...

Но никто не слушал. Потому что здесь даже такая, внезапно возросшая сила была подозрительна. Слишком хорошее зрение — подозрительно. Слишком быстрая реакция — подозрительно. Необычная выносливость — подозрительно. Способность чувствовать чужую энергию — смертельно опасно. А если человек действительно начинал использовать духовную силу... Ему уже не требовалось объяснять свою судьбу. На перевале не существовало мастеров. Именно таков был закон. Мастер, способный управлять духовной энергией, не считался мастером. Он считался заражённым. Поэтому самые сильные люди, жившие здесь, скрывали свою силу. Если таковая у них появлялась. Они делали это не из скромности. Из страха. Потому что человек мог всю жизнь мечтать стать сильнее. Но здесь попытка превысить предел человеческой природы могла привести лишь к одному. К собственной смерти. И потому гарнизон этой маленькой крепости представлял собой странное зрелище. Они стояли между двумя мирами. Перед ними были демоны. Позади — люди. А сами они не обладали ничем, что позволило бы назвать их героями. Никаких древних техник. Никаких бессмертных наставников. Никаких духовных мечей. Никаких великих родословных. Только старые доспехи. Треснувшие щиты. Обычные железные мечи. Длинные копыя. Луки. Факелы. И приказ.

Не пропустить.

Иногда этого было достаточно. Иногда — нет. Но каждое утро, после каждой ночи, после каждого прорыва на стене снова поднимался старый флаг. Тот самый, с вышитым тигром. И если он всё ещё развевался над крепостью, значит, человеческая земля продолжала существовать. Даже если на стенах оставались следы когтей. Даже если в ущельях лежали тела. Даже если несколько пустых домов внутри крепости больше никогда не открывали своих дверей. Даже если на рассвете солдатам снова приходилось осматривать друг друга, опасаясь обнару-

жить на коже товарища тонкую чёрную линию. Граница оставалась на месте. А значит, пока ещё существовал мир людей.

Внутренний уклад такой крепости лучше сделать почти монастырским по строгости. Здесь люди живут не столько “на службе”, сколько в постоянном ожидании того дня, когда граница снова оживёт. При этом сама крепость должна ощущаться обжитой — со своими привычками, суевериями, наказаниями, маленькими радостями и негласными правилами.

.....

Саму крепость можно было разделить на несколько зон. Здесь был *Внешний двор*. То самое место, где находились ворота, оружейные стойки, навесы для повозок и площадка для осмотра прибывающих.

Внутренний двор — сердце гарнизона. Здесь проходили построения, тренировки, проверки и сборы во время тревоги.

Казармы располагались вдоль внутренней стены. Там солдаты спали небольшими группами по шесть-восемь человек. У каждого был свой собственный деревянный сундук, оружейная стойка и строго определённое место.

Дом начальника заставы стоял немного выше остальных зданий. Одновременно с этим это место служило полноценным командным пунктом.

Имелся здесь и свой *Храм Предков* — небольшое деревянное строение с каменным основанием. Там хранились таблички с именами погибших.

Колокольная башня находилась ближе всего к северной стене. Звонарь жил прямо под ней и практически не покидая своего поста.

Лазарет располагался отдельно. И это было важно. Так как больных категорически нельзя было смешивать со здоровыми. После прорыва туда отправляли даже тех, у кого не было *видимых* признаков заражения. Для более тщательной проверки.

Карантинный двор находился за второй стеной. По сути, это было самое страшное место крепости. Туда помещали тех, кто хотя бы потенциально мог подвергнуться воздействию тумана. И никто не знает заранее, вернётся ли человек оттуда.

В этой крепости жизнь начиналась ещё до рассвета. Когда над горами только начинает сереть небо, первый удар колокола означал подъём. Не тревогу. Обычный подъём. Воины, что несли здесь свою службу, вставали молча. Не было никаких разговоров. Никаких жалоб. Каждый был обязан привести в порядок постель, сложить одежду и проверить оружие. Затем — проводилось построение. Старый командир проходил вдоль строя. Смотрел каждому в глаза. Это была не формальная процедура. После нескольких лет службы в подобном месте любой опытный командир был способен заметить потенциальные изменения от скверны. Красные глаза... Слишком бледное лицо... Дрожь пальцев... Непривычная походка... Изменившийся голос... Затем проверялись руки. Особенно ногти. Потому что именно под ногтями иногда впервые появляются тёмные прожилки.

После проверки следовал завтрак. Обычно очень простой. Рис. Овощи. Сушёная рыба. Суп. Иногда мясо. Мясо в крепости вообще считалось почти роскошью. После завтрака начинались занятия. И здесь воины гарнизона тренировались не как представители обычной армии. Их учили убивать то, что может быть заведомо сильнее их. Поэтому основное внимание уделяется не красивым приёмам меча, а совместным действиям. Один человек отвлекает. Второй бьёт. Третий отступает. Четвёртый прикрывает. Пятый следит за тылом. Особенно много времени уделяли строю с копьями. Против демонических зверей одиночный мечник был почти бесполезен. Почти... Если не был мастером Меча. Но даже строй из десяти обученных, хотя и обычных копейщиков, был вполне способен остановить даже крупную тварь. Именно поэтому служащим здесь воинам постоянно повторяли одно:

“Ты не герой. Ты часть стены.”

Эта фраза считалась одним из главных правил гарнизона.

Каждый день состав гарнизона делился на три группы. Первая стояла на стенах... Вторая занималась хозяйственными делами... Третья отдыхала. Но слово “отдых” здесь было довольно условным. Солдаты могли спать... есть... чинить одежду... писать письма домой... Но оружие всегда находилось рядом. Даже ночью. Меч лежал возле постели. Копьё стояло у стены, возле изголовья кровати. У каждого солдата возле места сна висел небольшой кожаный мешочек с кремнем. Потому что, если тревога начинается ночью, времени искать огни нет.

Как уже говорилось ранее, в крепости издревле существовало несколько видов колокольного звона.

Один удар... Утром — побудка... Днём — смена караула.

Два — замечено движение за границей.

Три — обнаружен прорыв.

Четыре — туман пересёк границу.

Пять — заражённый человек внутри человеческой территории.

Шесть — неизвестная угроза.

Семь — разрушение защитной линии.

А девять ударов никто не хочет слышать. Девять ударов означают полномасштабное вторжение. После девяти ударов уже не существует отдельных приказов. Каждый знает своё место. Ворота закрываются. Запасные вязанки стрел поднимаются на стены. Карантинный двор запирается. Сигнальные костры зажигаются на башнях. И гонцы отправляются на юг.

Самым важным правило было одно... После тревоги никто не имел права покидать своё место без приказа. Даже если рядом кричит товарищ. Даже если кажется, что кто-то ранен. Даже если человек видит собственного родственника за стеной. Это правило появилось после одной старой трагедии.

Много лет назад во время прорыва женщина с ребёнком появилась на дороге. Она просила открыть ворота. Она плакала. Ребёнок был ранен. Один из молодых солдат не выдержал и открыл маленькую боковую дверь, чтобы внутрь вошли двое. А через несколько мгновений стало понятно, что за женщиной следовало ещё два десятка притаившихся поблизости изменённых существ. С тех пор приказ изменился.

“Во время тревоги жалость считается нарушением дисциплины.”

Жестокое правило. Но здесь его понимают.

После каждого столкновения проверяют всех. Даже тех, кто не покидал крепость. Человека могли отправить в карантин только потому, что он несколько минут находился рядом с туманом. Там ему давали отдельную комнату. Кувшин воды. Миску риса. Одеяло. И деревянную табличку с номером. Не именем. Номером. Потому что имя означало бы, что человек всё ещё считается человеком. А номер означал, что решение ещё не принято. За карантинным двором круглосуточно наблюдали, как минимум, два солдата. Если у заключённого всё же проявлялись признаки изменения, звонили в колокол. И тогда приходил палач. Палач в крепости — не презируемый человек. Наоборот. К нему относились почти с суеверным уважением. Потому что именно ему приходилось делать всё то, на что остальные могли быть просто не способны.

Он не носил чёрную одежду. Не скрывал лицо. Не выглядел страшным. Обычно это был самый спокойный человек в крепости. У него не было особых полномочий. Но была одна обязанность. Если человек признан заражённым, то именно он был должен привести приговор в исполнение. Без обсуждения. Без споров. Без возможности отказаться. После исполнения палач был обязан сам пройти проверку. Потому что кровь заражённого считалась опасной. Оружие после этого уничтожали или подвергали очистке огнём. Одежду сжигали. А место казни посыпали солью и золой.

Были в крепости и дети. Но они жили совсем иначе. Им было запрещено приближаться к северной стене. Им было запрещено играть с найденными на дороге предметами. Им было запрещено подбирать животных. Даже раненую птицу. Потому что неизвестно было то, откуда

она прилетела. В этом месте детей с самого раннего возраста приучали различать человеческий и демонический туман. Их учили простому правилу:

“если туман имеет цвет — беги. Если он движется против ветра — беги. Если он пахнет сладко — беги. Если в тумане слышен голос знакомого человека — не отвечай.”

Помимо официальных правил существовало и множество других. Никто не свистел ночью. Никто не считал вслух звёзды. Никто не произносил имя умершего человека после полуночи. На северную сторону даже смотреть слишком долго было нельзя. Нельзя оставлять зеркало напротив окна. Нельзя спать головой к северу. Нельзя приносить в крепость вещи, найденные за границей. И особенно нельзя было говорить:

“Сегодня всё спокойно.”

Это было дурной приметой, так как считалось, что после этих слов обязательно что-нибудь, и весьма неприятное, да произойдёт. Да. Даже в этой крепости солдаты смеялись над суевериями. Днём. Ночью же большинство из них всё равно соблюдало их.

Каждый вечер перед закатом один из солдат обязательно шёл в храм. Зажигал лампаду. Проверял таблички погибших. А затем звонил в маленький храмовый колокол. Один раз. Только один. Это означало:

“Сегодня мы ещё живы.”

Погибших поминали не поимённо. Потому что этот список был слишком длинным. На стене храма ещё при строительстве были написаны слова:

“Тем, кто остался за нами.”

Даже пища в крепости подчиняется строгому порядку. В обычные дни едят два раза. На рассвете. И после заката. В промежутке между ними разрешается только вода и небольшой сухой паёк. Запасы распределяются старшим писарем. Каждый мешок риса записывается. Каждая связка сушёной рыбы. Каждый кувшин масла. Потому что осада здесь может начаться без предупреждения. Крепость была рассчитана на то, чтобы члены гарнизона прожить без помощи извне несколько месяцев. Но если прорыв происходит зимой, запасов всегда мало. Поэтому зимой особенно тщательно охраняют кладовые.

Так же к каждого солдата есть возможность написать письмо. Раз в месяц через перевал проходил государственный обоз. Он забирал письма на юг. Но большинство солдат никогда не писало правду. Они не рассказывали о тумане. Не рассказывали о демонах. Не рассказывали, что за последнюю неделю погибли пятеро товарищей. Они писали простые вещи:

“У нас холодно...”

“Я здоров...”

“Служба идёт хорошо...”

“Передай матери, что я помню о ней...”

Потому что в человеческих землях мало кто хочет знать, что действительно происходит на границе. Для большинства людей крепость существует где-то далеко в горах. И этого достаточно.

И самое главное, несмотря на всю строгость, несмотря на страх и постоянную смерть, гарнизон постепенно становился единой семьёй. Они вместе едят. Вместе работают. Вместе смеются. Вместе сражаются. Вместе хоронят товарищей. Старшие солдаты чинят оружие молодых. Молодые помогают старикам носить воду. Кузнец знает каждого по имени. Повар знает, кто любит больше соли. Звонарь знает, кто боится ночных дежурств. Командир знает, кто пишет домой каждую неделю, а кто не писал уже несколько лет. И потому самое страшное наказание для солдата здесь — не смерть. Это одиночество. Потому что практически любой человек, проживший несколько лет на этом перевале, начинает понимать одну простую вещь. Горы вокруг огромны. Небо бесконечно. Демонический мир лежит прямо за стеной. А человеческая земля простирается далеко-далеко на юг. Но именно здесь, на нескольких сотнях шагов каменной земли, от него зависит, увидит ли кто-нибудь всё это завтра. И потому каждое утро, когда

солнце появляется над человеческими горами, солдаты всё также поднимаются на стены. Проверяют ворота. Проверяют оружие. Проверяют друг друга. Смотрят на чёрные горы. А затем поднимают старый флаг. И продолжают службу. Потому что здесь служат не ради славы. Не ради богатства. И даже не ради государства. Они служат потому, что, если однажды никто не встанет на этой стене... следующий мир, который увидят жители юга, может оказаться совсем не тем миром, который они знали всю свою жизнь.

.....

Крепость всегда просыпалась раньше восхода солнца. Не потому, что люди здесь были особенно трудолюбивыми. Просто на границе никто не имел права проспать рассвет. Пока восточное небо ещё оставалось почти чёрным, а вершины гор едва начинали отделяться от ночного неба, над внутренним двором уже раздавался первый удар деревянной колотушки.

Тук.

Небольшой, сухой звук.

Тук.

Второй. И только после третьего удара в казармах начиналось движение. Сначала шорох... Потом скрип деревянных настилов... Чей-то сонный кашель... Приглушённое ругательство... Звук застёгиваемого ремня... Через несколько мгновений из дверей казармы начинали выходить люди. Они появлялись один за другим, ещё сонные, с растрёпанными волосами, в простых тёмных одеждах, поверх которых постепенно надевали защитные куртки и кожаные наручи. Никто не разговаривал громко. Это тоже было частью уклада. В крепости считалось дурным знаком начинать день с крика. Особенно перед рассветом. Ещё много лет назад солдаты замечали одну странность — именно в предрассветные часы с северной стороны чаще всего приходил туман. Поэтому первые минуты каждого дня проходили почти в тишине. Покинув казарму, люди умывались холодной водой. Проверяли оружие. Приводили в порядок одежду. И выходили во двор.

Сам внутренний двор был небольшим. Каменная площадка, окружённая стенами и несколькими деревянными зданиями. Посреди неё стоял старый флагшток. На нём ещё со вчерашнего вечера висел флаг гарнизона. Тёмно-красный тигр на выцветшем жёлтом полотнище. Каждое утро его поднимали выше. Каждый вечер опускали. И каждый раз, когда ткань вздымалась над стенами, кто-нибудь обязательно смотрел на неё чуть дольше остальных. Будто проверял. На месте ли? Ещё не сгорел? Ещё не разорван? Значит, крепость стоит. Значит, граница держится.

Начальником заставы был человек по имени Кан Чжин. Ему было пятьдесят два года. Для пограничника — возраст почти преклонный. Для самого Кана — совершенно обычный. Он считал, что старость начинается не тогда, когда человек перестаёт быть молодым. Старость начинается тогда, когда он начинает считать себя слишком старым для того, чтобы делать то, что необходимо. Кан Чжин не был мастером. И никогда им не станет. За всю жизнь он не почувствовал в себе ни малейшей способности к управлению духовной энергией. Он не мог ускорить движение. Не мог укрепить тело. Не мог видеть сквозь стены. Не мог создать даже простейшего защитного барьера. Именно поэтому ему доверяли. На юге, в богатых городах, подобный человек считался бы обыкновенным солдатом. Здесь он был начальником заставы. И это говорило о многом. Он служил на этом перевале уже двадцать семь лет. И пришёл сюда совсем молодым. Тогда ему было всего двадцать пять лет. В первый раз он прибыл сюда вместе с отрядом из сорока человек. А вернулось домой всего семеро. Сам Кан тогда был одним из самых молодых. Теперь он оказался самым старым. И постепенно начал понимать одну простую вещь. На границе человек редко умирает от старости. Люди здесь либо уходили на юг. Либо оставались на северной стороне земли. Навсегда. Поэтому Кан Чжин никогда не спрашивал у прибывающего солдата:

— Надолго ли ты здесь?

Он спрашивал:

— Ты умеешь *молчать*?

Если тот отвечал “да”, Кан спрашивал:

— Умеешь *слушать*?

Потом:

— Умеешь выполнять приказ, даже если тебе кажется, что он *неправильный*?

И только после этого:

— Боишься ли ты тумана?

Если человек отвечал, что не боится, то Кан обычно отсылал его обратно. Не потому, что считал бесстрашие недостатком. Потому что понимал главное... Тот, кто говорит, что не боится тумана, ещё ни разу его не видел. И мог стать тем, кто сам принесёт беду в крепость.

Старшим десятником был Пак Сон. Пак был полной противоположностью своему командиру. Молодым он был человеком весёлым. Теперь от веселья осталось только привычное умение криво усмехаться. Он потерял левый глаз во время одного из прорывов. Не от когтя. От человека. Это произошло пятнадцать лет назад. В туман вышел заражённый крестьянин. Тогда Пак подошёл слишком близко к этому человеку. Крестьянин улыбнулся. И вдруг его рука вытянулась. Неестественно. Кости хрустнули. Пальцы превратились в нечто похожее на костяные крючья. Один удар пришёлся Паку в лицо. Он выжил. Глаз — нет. С тех пор Пак особенно не любил заражённых людей. Зверей он не боялся. Звери были честнее. Если зверь хотел убить тебя — он бросался. Если зверь был заражён — это было видно. А человек мог улыбаться. Разговаривать. Просить воды. Называть своё имя. И ждать.

Именно поэтому теперь Пак всегда говорил молодым:

— Если оно говорит как человек, и даже выглядит как человек... это ещё не значит, что перед тобой человек.

И каждый раз после этих слов в казарме становилось тихо. Потому что все знали, что Пак говорит не теоретически.

Лекарем крепости была женщина по имени Со Ён. Ей было около сорока. Она приехала сюда девять лет назад после того, как в южной провинции умер её муж. В крепости никто не спрашивал, почему она выбрала именно это место. Здесь вообще не любили задавать лишние вопросы. Со Ён была единственным человеком, которому разрешалось касаться тех, кого другие боялись. Она перевязывала раны. Зашивала порезы. Вправляла кости. Останавливала кровь. Следила за лихорадкой. А после каждого прорыва становилась человеком, которого боялись больше всего. Потому что именно она первой замечала изменения. Она могла посмотреть на человека и сказать:

— Открой рот.

И солдат открывал.

— Руки.

Он протягивал.

— Глаза.

Он поднимал взгляд. А потом она могла очень долго молчать. В такие моменты никто не спрашивал:

“Что с ним?”

Потому что ответ мог быть куда страшнее вопроса. Иногда Со Ён говорила:

— Нормально.

И человек уходил. Иногда:

— Ещё рано говорить.

И человека отправляли в карантин. А иногда она просто опускала глаза. Тогда приходил палач.

Палачом был Хан Му. Его боялись почти все. Хотя сам Хан был, пожалуй, самым спокойным человеком во всей крепости. Высокий. Худой. Седой. С лицом, на котором почти никогда не появлялось выражения. Он никогда не повышал голоса. Никогда не спорил. Никогда не ругался. Он просто выполнял свою работу. У него был особый меч. Обычный с виду полуторник. Прямое лезвие. Тёмная рукоять. Никаких украшений. На ножнах отсутствовали гербы. Потому что Хан считал, что оружие палача не должно принадлежать ни роду, ни государству. Оно принадлежит только приказу. После каждого использования меч тщательно промывали. Потом опускали в огонь. Потом обтирали солью. А затем Хан сам относил его в храм. Он никогда не молился. По крайней мере, никто никогда не видел. Но всегда стоял там несколько минут. И только потом возвращался.

Звонарём был старик по имени Мун. Не так давно ему исполнилось семьдесят лет. Он служил на перевале сорок два года. И давно уже практически не покидал колокольную башню. Его жилище находилось прямо под колоколом. Одна маленькая комната. Ложе. Стол. Глиняная печь. Кувшин. Несколько книг. И маленькое окно, из которого открывался вид на север. Мун знал звуки гор. Он мог отличить обычный камнепад от движения крупной твари. Мог понять по ветру, будет ли дождь. Мог определить по звуку колокола, насколько далеко находится источник удара. Но больше всего он умел слушать тишину. Однажды молодой солдат спросил его:

— Дедушка Мун, что ты слышишь ночью?

Старик долго молчал. А потом ответил:

— То, что не слышишь ты.

Юноша засмеялся. Но Мун даже не улыбнулся, а лишь косо посмотрел на этого наивного парня.

— Вот поэтому ты молодой.

С тех пор этот вопрос больше никто ему не задавал. В гарнизоне служило тридцать восемь человек. Не считая женщин, детей, лекаря и нескольких работников. Тридцать восемь солдат. Для настоящей армии — ничто. Для этой крепости — всё. Каждый знал каждого. Кто храпит. Кто боится высоты. Кто плохо стреляет. Кто любит острый суп. Кто пишет домой. Кто никогда не пишет. Кто разговаривает во сне. Кто однажды едва не открыл ворота. Кто потерял брата. Кто потерял сына. Кто потерял самого себя. И потому в крепости не существовало настоящего одиночества. Даже когда человек хотел побыть один, это почти никогда не получалось. Слишком мало места. Слишком много людей. Слишком тонкие стены. Слишком много чужих голосов. Иногда это раздражало. Иногда спасало. После построения начинались тренировки. Сначала — бег. Вниз по внутреннему двору. Вверх по лестнице. Через восточную стену. Вдоль северной стены. Снова вниз. Потом — щиты. Потом копьё. Потом мечи. Затем стрельба. Каждый солдат должен был уметь пользоваться всем. Не существовало отдельного подразделения лучников. Не существовало профессиональных копейщиков. Потому что во время прорыва любой человек мог оказаться в любом месте. Кузнец мог взять копьё. Повар — меч. Писарь — лук. Даже лекарь имел собственное оружие. И только палач не участвовал в обычных тренировках. Он тренировался отдельно. Каждое утро. Медленно. Одно движение. Шаг. Удар. Возврат. Шаг. Удар. Возврат. Сотни раз. Потому что Хан Му считал, что человек, который должен однажды убить того, кого ещё вчера называл товарищем, не имеет права ошибиться. И тем более не может привыкать к тому, что рядом товарищи, которым можно доверить спину.

После тренировок начиналась работа. И вот здесь крепость превращалась из военного поста в маленькое поселение. Кто-то таскал воду. Кто-то чинил крышу. Кто-то проверял зерно. Кто-то сушил мясо. Кто-то осматривал стены. Кто-то чистил канавы. Кто-то проверял сигнальные костры. Кто-то пересчитывал стрелы. Кто-то проверял масло. Каждая мелочь имела значение. Однажды зимой в крепости закончилась смола. Из-за этого пришлось временно изменить систему обороны. Казалось бы, пустяк. Но именно в ту зиму произошёл крупный прорыв.

Звери добрались до ворот. Солдаты успели закрыть их. Но укрепления пришлось держать почти четыре часа. После этого Кан Чжин лично приказал записать в книгу снабжения:

«Недостаток смолы — угроза крепости.»

С тех пор писарь каждый вечер пересчитывал даже самые мелкие запасы. В полдень наступало короткое затишье. Солдаты ели. Внутри крепости пахло рисом, чесноком, сушёной рыбой и дымом. Кто-то разговаривал. Кто-то смеялся. Иногда начинались споры. Обычно о совершенно бессмысленных вещах. Кому достался лучший кусок мяса. Кто проиграл в костях. Кто должен был мыть котлы. Кто ночью храпел. И именно эти разговоры делали крепость более *человеческой*. Потому что невозможно постоянно думать о демонах. Если бы люди думали о них каждую минуту, они давно бы сошли с ума. Поэтому они спорили. Смеялись. Играли. Пили. Иногда даже пели. Но никогда не пели северных песен. Никто не мог объяснить почему. Просто не пели.

После полудня начиналась проверка границы. Каждый день. При любой погоде. Двое — трое солдат уходили к каменной линии. Не переходили её. Никогда. Они осматривали землю. Проверяли знаки. Смотрели, не появились ли новые трещины. Не изменился ли цвет камней. Не выросли ли странные растения. Не появились ли следы... Следы были особенно важны. Потому что некоторые существа не оставляли обычных отпечатков. Иногда можно было увидеть следы лап. А рядом — человеческие ступни. Иногда они внезапно обрывались. Иногда продолжались по вертикальной стене. Иногда шли по потолку каменного навеса. Если дозорные находили подобное, они возвращались. И сообщали. Никто не пытался выяснить, кому принадлежат следы.

С наступлением вечера начиналась самая тихая часть дня. Закат здесь был красив. Почти болезненно красив. Солнце уходило за человеческие горы. Последние лучи ложились на каменные стены. Сосны становились золотыми. Туман в ущельях окрашивался в розовый цвет. На несколько минут можно было забыть о Демонической стороне. А потом солнце исчезало. И тогда весь окружающий мир менялся. С северной стороны приходила темнота. Она двигалась быстрее обычной. Иногда казалось, будто ночь начинается там на час раньше. Воины зажигали фонари. На стенах ставили жаровни. Ворота закрывали. Засовы проверяли трижды. И начиналась ночная служба.

Ночные дежурства были разделены на четыре стражи. Первая — сразу после заката. Вторая — до полуночи. Третья — от полуночи до первых признаков рассвета. Четвёртая — самая короткая. Предрассветная. Но самая опасная. В эту смену обычно ставили опытных. Потому что именно тогда человек особенно уязвим. Тело требует сна. Внимание сильно ослабевает. Холод становится сильнее. А Демонический туман *любит* слабость. Поэтому на северной стене никогда не стоял один человек. Всегда двое. Один смотрел наружу. Второй — на товарища. И если первый начинал вести себя странно... Второй должен был немедленно поднять тревогу. Даже если они были братьями. Даже если друзьями. Даже если служили вместе двадцать лет. Это правило не обсуждалось.

Была ещё одна особенность. После полуночи в крепости запрещалось открывать двери без специального приказа. Ни при каких обстоятельствах. Даже если кто-то стучал. Даже если слышался голос. Даже если за дверью стоял солдат. В этом случае требовалось спросить:

— Кто ты?

И человек за дверью должен был назвать своё имя. Потом:

— Из какого ты отряда?

Потом:

— Кто сейчас командует?

И только после этого можно было открывать. Но существовал ещё один вопрос. Последний. Его задавали только в случае сомнения.

— Как звали первого погибшего сегодня?

Если на последний вопрос человек отвечал неправильно... Дверь не открывали. Никогда. Потому что заражённые иногда знали имя. Знали звание. Знали лицо. Знали голос. Но не знали то, что мог знать только человек, находившийся внутри крепости. Крепость жила этими правилами. Сначала они казались странными. Потом — чрезмерными. Через несколько лет становились привычкой. А ещё через десять человек уже переставал понимать, где заканчивается приказ и начинается страх. Молодые солдаты иногда смеялись над старшими.

— Вы слишком осторожны.

Старики не отвечали. Они просто смотрели на них. Потому что знали, что каждый молодой человек, попав на границу, однажды перестает смеяться. Обычно после первой ночи в тумане. А ещё здесь существовала особая традиция. Каждый новый солдат в первый день службы должен был подняться на северную башню. Вместе с командиром. Кан Чжин приводил его туда на закате. Показывал человеческие земли. Зелёные горы. Реки. Лес. Дороги. Далёкие деревни. Потом поворачивался на север. И показывал другое. Чёрные скалы. Мёртвые деревья. Туман. Багровое небо. После этого он говорил всего одну фразу:

— Всё, что видишь там, может однажды прийти сюда.

Потом указывал на юг.

— Всё, что видишь здесь, может однажды перестать существовать.

И только затем спрашивал:

— Теперь понимаешь, где стоишь?

Большинство отвечало:

— Да.

Некоторые говорили:

— Понимаю.

Но иногда человек молчал. Кан Чжин никогда не торопил. Если молодой солдат молчал достаточно долго, командир только кивал. Потому что молчание было лучшим ответом. Самым достоверным. Самым правильным.

На стенах крепости имелось ещё одно место. Маленькое. Почти незаметное. За храмом. Там стояли каменные таблички погибших. Их было много. Слишком много для такой маленькой крепости. Некоторые имена были высечены чётко. Другие уже почти стёрлись от прошедшего времени. На некоторых табличках стояли даты. На других — только имена. А на некоторых не было даже этого. Только одно слово:

“Неизвестный.”

Кан Чжин никогда не позволял убирать такие таблички.

— Даже если мы не знаем, кто он, — говорил он, — он всё равно умер здесь.

Поэтому каждую осень солдаты мыли камни. Меняли перед ними лампы. Очищали двор. И оставляли чашу риса. Не для духов. Не для богов. Для памяти. Но был человек, которого в храм почти никогда не пускали. Палач. Не потому, что его считали нечистым. Потому что Хан Му сам не хотел. Он говорил:

— Мне не нужны молитвы.

Однажды молодой солдат спросил:

— Почему?

Хан посмотрел на него.

— Потому что я и сам прекрасно знаю, сколько людей убил.

— И не боишься, что они придут за тобой?

Старик долго молчал. Потом сказал:

— Если придут — я их встречу.

И больше ничего.

Так проходили годы. Гарнизон менялся. Люди приходили. Люди уходили. Кого-то забирала на юг. После выслуги лет. По возрасту. Кого-то хоронили. Кого-то отправляли домой

после ранения. Кто-то становился новым десятником. Кто-то новым писарем. Кто-то впервые поднимался на башню. А крепость оставалась. Её стены постепенно темнели. Деревянные крыши приходилось менять. Камни в основании заменяли один за другим. Колокол покрывался новыми трещинами. Но каждое утро он всё равно звучал.

Бом...

Бом...

Бом...

И люди выходили во двор. Проверяли оружие. Проверяли друг друга. Проверяли границу. Ели. Работали. Смеялись. Ссорились. Спали. И ждали. Потому что все они знали главное... Рано или поздно туман снова придёт. Возможно, завтра. Возможно, через месяц. Возможно, через год. Но придёт обязательно. А когда он появится, маленькая крепость снова превратится из тихого поселения в оружие. Все разговоры исчезнут. Ворота закроются. На башнях вспыхнет огонь. Колокол ударит. И тридцать восемь обычных людей, не обладающих никакими особыми силами, снова встанут на каменной стене. Не потому, что были сильнее тех, кто шёл с севера... Они были слабее. Намного слабее. Не потому, что были бесстрашными... Они боялись. Иногда до дрожи. И не потому, что верили, будто обязательно победят... Они даже не знали, увидят ли следующий рассвет. Они просто знали своё место. Между Тьмой и Светом. Между Демоническими землями и Человеческим миром. Между тем, что нельзя остановить, и тем, что нельзя позволить пройти дальше. И пока хотя бы один из них оставался на стене... граница существовала.

Люди за стеной

За двадцать семь лет своей службы в этом месте Кан Чжин научился различать шаги своих солдат. Не просто узнавать человека по походке. Он слышал, кто идёт. По тому, как скрипит доска под ногой. По тому, с какой силой человек ставит пятку. По ритму дыхания. По тому, как звякает подвешенный к поясу меч. Даже ночью, когда в крепости гасили большую часть фонарей, Кан мог лежать с закрытыми глазами и сказать:

— Это Пак.

И почти всегда оказывался прав. Пак Сон ходил тяжело. Левой ногой он слегка волочил шаг после старого ранения. Молодые солдаты иногда не замечали этого. Кан замечал. Он замечал всё. Когда Пак уставал сильнее обычного, его шаг становился короче. Когда болела старая рана, он начинал чуть сильнее опираться на правую ногу. Когда был зол — сильнее хлопал дверью. Когда боялся — становился особенно молчаливым. И только один человек в крепости понимал это так же хорошо. Сам Пак. Поэтому они часто знали о состоянии друг друга больше, чем хотелось бы.

— Ты сегодня хромаешь... — сказал как-то Кан.

— Не хромаю.

— Хромаешь.

— Погода.

— Вчера погода была такая же.

Пак посмотрел на него своим единственным глазом.

— Ты командир или старуха?

— Командир.

— Тогда командуй... кем-нибудь другим...

Кан ничего не ответил. Только вечером Пак обнаружил возле своей койки небольшой мешочек с лекарственными травами. Он не спросил, кто его оставил. Да и сам Кан никогда не признался бы в подобном. Но именно так здесь заботились друг о друге. Не словами. Слишком много слов на границе становились опасными. Особенно слова о страхе. Особенно слова о привязанности. Потому что человек, которого ты любишь, однажды может оказаться по ту сторону двери. И тогда тебе придётся решить, кем он стал. Всё ещё человеком... Или уже нет... Пак Сон знал Кана ещё до того, как тот стал начальником заставы. Когда-то они оба были молодыми. Тогда Кан ещё носил меч слишком высоко на поясе, постоянно цеплялся ножами за ступени и пытался казаться старше. Пак был старше его всего на два года. Но считал себя опытным. Именно он учил Кана стрелять из лука. Кан учил Пака читать. А Пак смеялся над ним за это.

— Воин должен уметь убивать, а не читать.

— Тогда почему ты каждый раз заставляешь меня считать стрелы?

— Потому что я не хочу умереть из-за твоей неграмотности.

Тогда они часто спорили. Иногда даже дрались. Однажды даже разбили тренировочный стол. За это оба получили по десять ударов бамбуковой палкой от тогдашнего начальника. После наказания Пак сказал:

— Всё равно я был прав.

Кан ответил:

— Нет.

— Был.

— Нет.

— Был.

И они снова пошли спорить. Прошло двадцать семь лет. Они всё ещё спорили. Только теперь оба старались делать это тише. Не из-за уважения. Из-за возраста. Со Ён появилась в их жизни гораздо позже. Поначалу никто ей не доверял. Она была чужой. Женщина. Лекарь. Пришла с юга. Слишком образованная. Слишком спокойная. И задавала слишком много вопросов. В первый же месяц Пак сказал Кан:

— Мне она не нравится.

— Почему?

— Слишком много смотрит.

— Она лекарь.

— Именно.

Кан тогда усмехнулся.

— Тебе не нравится, когда на тебя смотрят?

— Мне не нравится, когда меня разглядывают так, будто собираются вскрыть.

— Она врач.

— Она женщина.

Кан посмотрел на него.

— И что?

Немного подумав, Пак коротко пожал плечами.

— Ничего.

Через полгода именно Со Ён и стала единственным человеком, которому Пак позволял осматривать старый шрам возле глаза. Она не спрашивала, больно ли. Просто знала. Когда погода менялась, она оставляла у него возле постели горячий отвар. Пак делал вид, что не замечает. Однажды она сказала:

— Выпей.

— Не хочу.

— Выпей.

— Горький.

— Поэтому и выпей.

Пак посмотрел на чашу. Потом на неё.

— Ты командир?

— Нет.

— Тогда почему приказываешь?

— Потому что ты ведёшь себя как ребёнок.

Пак выпил. После этого они больше никогда не спорили о лекарстве. Со Ён тоже была частью этой крепости. И, пожалуй, больше остальных понимала цену человеческой близости. Потому что каждый день ей приходилось прикасаться к людям, которых остальные уже боялись. Она знала, у кого старый перелом. У кого язва. У кого бессонница. У кого болит спина после ночных дежурств. Кто просыпается от кошмаров. Кто боится темноты. Кто боится тумана. И кто делает вид, что не боится. Она знала даже то, о чём солдаты предпочитали не говорить. Например, что Кан Чжин по ночам иногда просыпался от старого кашля. Что Пак почти не видел снов после потери глаза. Что Мун иногда забывал поесть, если всю ночь стоял возле колокола. Что Хан Му никогда не спал дольше четырёх часов. И что молодой солдат Чхве Ён-су, которому было всего девятнадцать, каждую ночь прятал под подушкой деревянную фигурку лошади. Она никогда не спрашивала зачем. Она просто знала. У каждого здесь было что-то своё. Маленькое. Смешное. Бесполезное. Но именно такие вещи напоминали им, что они ещё люди. Хан Му был, пожалуй, единственным, кто почти никогда не участвовал в этих маленьких разговорах. Он приходил. Работал. Ел. Тренировался. Спал. И снова работал. Но крепость знала его лучше, чем он думал. Все знали, что он любит сладкий рис. Все знали, что он терпеть не может имбирь. Все знали, что зимой у него болит правое колено. И все знали,

что он каждую осень чинит крышу храма лично, хотя его никто об этом не просит. Однажды молодой солдат спросил:

— Зачем?

Хан ответил:

— Потому что течёт.

— Можно попросить плотника.

— Можно.

— Тогда почему не просишь?

Хан посмотрел на крышу.

— Потому что плотник плохо работает.

Молодой солдат рассмеялся.

— А ты хорошо?

— Лучше.

На следующий день молодой солдат увидел Хана на крыше. Тогда он молча принёс ему инструменты. Хан ничего не сказал. Только протянул руку. С тех пор они ремонтировали крышу вместе. Так появилась ещё одна связь. Без обещаний. Без благодарности. Просто потому, что один человек однажды принёс другому молоток. С Муном всё было иначе. Он был старше всех. Настолько старше, что некоторые молодые солдаты даже забывали, что когда-то он тоже был молодым. Но Мун помнил. Помнил слишком многое. Он знал имена тех, чьи таблички уже почти невозможно было прочитать. Помнил, кто погиб в первый год. Кто во второй. Кто не вернулся после зимнего патруля. Кто умер от тумана. Кто погиб от зверя. Кто просто не проснулся утром. Поэтому молодые иногда приходили к нему вечером. Не потому, что хотели услышать страшные истории. Наоборот. Им хотелось услышать обычные.

— Каким был Пак, когда был молодым?

Мун усмехался.

— Глупым.

— А Кан?

— Ещё глупее.

— А ты?

Старик долго смотрел на них.

— Я был... красивым.

Все смеялись.

— Не верим.

— Это потому, что вы видите меня старым.

И в такие вечера даже Кан иногда приходил к колокольной башне. Садился у двери. Пил чай. И слушал. Мун рассказывал истории. Пак спорил. Со Ён поправляла его. Хан Му молчал. Молодые смеялись. А снаружи лежали чёрные горы. И несколько часов крепость снова становилась просто домом. Самым близким человеком Кана Чжина, однако, был не Пак. Это была Со Ён. Не потому, что между ними существовала любовь. По крайней мере, никто никогда не говорил об этом. Они просто слишком хорошо знали друг друга. Она знала, когда Кан устал. Он знал, когда она боится. Она понимала по одному взгляду, что он собирается отправить кого-то в карантин. Он видел по тому, как она держит чашку, насколько тяжёлым был её день. После каждого прорыва они разговаривали наедине. Всегда. Кан закрывал дверь лекарской. Садился. И спрашивал:

— Сколько?

Со Ён не спрашивала, что он имеет в виду.

— Трое.

— Точно?

— Нет.

Кан кивал.

— Кто?

Она называла имена. Иногда Кан молчал. Иногда закрывал глаза. Но однажды он спросил:

— Ты уверена?

Со Ён долго смотрела на него.

— Нет.

— Тогда почему?

— Потому что, если я ошибусь в одну сторону, погибнет один человек.

Она сделала паузу.

— Если ошибусь в другую — могут погибнуть десятки.

Кан смотрел в окно. За ним лежал туман.

— Ненавижу эту работу.

— Я тоже.

— Тогда почему ты здесь?

Со Ён не ответила сразу. Потом сказала:

— Потому что, если я уйду, вам станет хуже.

Кан тихо усмехнулся.

— Это очень плохая причина.

— Знаю.

И больше они не разговаривали. Пак и Хан Му почти не ладили. Именно поэтому они были близки. Пак считал Хана слишком молчаливым. Хан считал Пак слишком шумным. Пак любил выпить. Хан не пил. Пак любил спорить. Хан не спорил. Пак считал, что любой вопрос можно решить разговором. Хан считал, что некоторые вопросы решаются только мечом. Но когда Пак получил ранение во время очередного прорыва, именно Хан нёс его через весь двор. Не Со Ён. Не Кан. А именно Хан. Пак тогда был без сознания. И когда пришёл в себя, первое, что увидел, был Хан.

— Ты меня тащил?

— Да.

— Почему?

— Ты был тяжёлый.

Пак хрипло засмеялся.

— Это не ответ.

— Другого нет.

Пак закрыл глаза.

— Спасибо.

Хан уже собирался уйти.

— Хан.

Старик остановился.

— Спасибо.

Хан кивнул. И вышел. После этого они снова почти не разговаривали. Но каждый раз, когда начинался бой, Пак инстинктивно становился рядом с Ханом. А Хан всегда прикрывал его левую сторону. Ту, которую Пак больше не видел. Молодые солдаты тоже постепенно становились частью этой странной семьи. Ён-су был самым младшим. Его прислали сюда против воли. Он постоянно говорил, что хочет вернуться домой. В первый месяц — каждый день. Во второй — через день. Через полгода перестал. Он был плохим стрелком. Хорошим бегуном. Плохо держал строй. Зато умел готовить. Поэтому повар его любил. Пак — нет.

— Ты опять опоздал.

— На десяток вздохов.

— На войне десяток вздохов — это жизнь. И даже не одна...

— Но сейчас не война.

Пак посмотрел на север.

— Здесь всегда война.

Ён-су сначала не понял. Потом понял. И больше не опаздывал. Однажды зимой Ён-су заболел. Ничего серьёзного. Простуда. Но три дня он лежал в лазарете. Пак каждый вечер приходил и садился рядом. Ничего не говорил. Просто сидел. На третий день Ён-су спросил:

— Вы переживали?

— Нет.

— Тогда зачем приходили?

— Проверить, не притворяешься ли.

— Я болею.

— Именно поэтому.

Ён-су улыбнулся.

— Вы мне как отец.

Пак замер. Очень ненадолго. Но замер.

— Не говори глупостей.

— Почему?

— Я слишком стар для этой работы.

Ён-су засмеялся. Пак тоже. А вечером, когда молодой солдат уснул, Пак ещё долго сидел рядом. Потом тихо сказал:

— Не смей умирать раньше меня.

Никто его не услышал. Кроме Со Ён. Она стояла в дверях. И ничего не сказала. Так крепость постепенно связывала людей друг с другом. Не дружбой. Это слово было слишком маленьким. Здесь люди становились чем-то вроде родни. Но родни странной. Они могли ненавидеть друг друга. Могли спорить. Могли неделями не разговаривать. Могли знать все недостатки друг друга. И всё равно ночью, когда раздавался колокол, они без приказа занимали свои места. Потому что каждый знал: Пак прикроет его спину. Хан удержит левый фланг. Со Ён вытащит стрелу из груди. Кан не позволит никому открыть ворота. Мун услышит то, чего не слышат остальные. А молодой Ён-су, каким бы неуклюжим он ни был, всё равно прибежит туда, где его товарищам нужна помощь. Это было важнее любых клятв. Поэтому существовал один обычай, о котором никогда не писали в официальных книгах. Перед каждой большой тревогой Кан Чжин проходил по стене. Не для проверки. Не для доклада. Просто проходил. Останавливался возле каждого поста. Кивал одному. Похлопывал другого по плечу. Поправлял ремень третьему. Иногда говорил:

— Холодно?

— Да.

— Потерпи.

И шёл дальше. У Пака он всегда задерживался дольше. У Хана — ненадолго. У молодых — почти всегда. Потому что молодые особенно нуждались в этом. Им нужно было знать, что командир видит их. Что они не просто номера в списке. Что если они погибнут, кто-то запомнит их лица. А потом однажды ночью Мун услышал колокол. Не удар. Дыхание. Он проснулся ещё до того, как звук раздался. Сел на кровати. Несколько мгновений слушал. Ветер. Тишина. Скрип дерева. И ещё что-то. Где-то далеко. Очень далеко. Тяжёлый звук. Будто камень двигался по камню. Мун поднялся. Подошёл к окну. Северная сторона была скрыта туманом. Старик смотрел на него долго. Потом взял молот. Поднялся на башню. Внизу крепость ещё спала. Мун ударил один раз. Колокол загудел. Второй. Люди начали просыпаться. Третий. Кан Чжин уже выходил из дома. Четвёртый. Зажглись фонари. Пятый. Пак Сон застегнул нагрудник. Шестой. Со Ён закрыла двери лазарета. Седьмой. Хан Му взял меч. Восьмой. Молодые

солдаты выбежали во двор. Мун поднял руку. И замер. Девятый удар так и не прозвучал. Вместо него из тумана донёлся голос. Человеческий. Совсем близко.

— Кан Чжин...

Командир застыл. Пак медленно повернул голову к нему. Со Ён вышла из лазарета. Хан Му положил руку на рукоять меча. И никто не сказал ни слова. Потому что голос повторил:

— Кан Чжин...

На этот раз из-за северной стены. И старый командир узнал его. Не сразу. Но узнал. Голос принадлежал человеку, который умер двадцать лет назад. Его младшему брату. Пак посмотрел на Кана.

— Не отвечай.

Кан молчал. Голос снова позвал:

— Старший брат...

Со Ён уже стояла рядом. Не касаясь его. Просто рядом. Пак сжал рукоять меча. Хан Му сделал один шаг вперёд. А Мун смотрел с башни вниз. И впервые за сорок два года старик не знал, что именно должен означать следующий удар колокола. Потому что за стеной стоял кто-то, кто знал их. Знал их имена. Знал их голоса. Знал их прошлое. И теперь знал, кого именно нужно позвать, чтобы они сами открыли ему ворота. Кан Чжин медленно поднял руку.

— Никому не двигаться.

Голос за стеной засмеялся. И в этом смехе на одно короткое мгновение каждому из них послышалось что-то знакомое. Кому-то — голос матери. Кому-то — погибшего товарища. Кому-то — ребёнка. Кому-то — самого себя. И тогда все поняли главное. Демоническая сторона наконец научилась не просто приходить к ним. Она научилась именно *узнавать их*. А значит, теперь она могла использовать против них не только когти и клыки. Она могла использовать то, что держало их вместе. Именно поэтому в ту ночь никто не ушёл со стены. Ни Кан. Ни Пак. Ни Со Ён. Ни Хан. Ни Мун. Ни один из молодых. Потому что они слишком хорошо знали друг друга. И потому что каждый понимал, что, если один из них сейчас поддастся голосу из тумана, остальные должны будут остановить его. Даже если он будет просить. Даже если плакать. Даже если называть их по имени. Даже если перед ними окажется лицо человека, которого они любили. Потому что на границе любовь не освобождала от долга. Она делала долг тяжелее. И именно поэтому они стояли рядом. Не потому, что были уверены друг в друге. А потому, что каждый из них знал: если однажды он сам перестанет быть собой, тот, кто стоит рядом, не позволит ему уйти за стену.

.....

У крепости была своя память. Не та, которую записывали в государственные книги. В официальных документах всё выглядело просто. Год основания. Количество солдат. Расход зерна. Число стрел. Ремонт стен. Смена начальников. Количество отражённых нападений. Погибшие. Пропавшие. Всё аккуратно. Всё коротко. Всё безлико. Но настоящая история заставы никогда не помещалась в отчёты. Она жила в трещинах старых стен. В выщербленных ступенях. В зарубках на балках. В именах, которые старики произносили перед сном. В чаше, которую каждый год ставили перед одной и той же каменной табличкой. В привычках людей. И особенно — в том, чего они никогда не делали. Не свистели после заката. Не оставляли открытой северную дверь. Не сидели спиной к туману. Не спрашивали, кто стучит в ворота после полуночи. И никогда не говорили:

“В этот раз всё будет спокойно.”

Потому что именно так когда-то начиналась самая страшная зима. Двадцать семь лет назад Кан Чжин впервые увидел крепость. Тогда она казалась ему огромной. Теперь он понимал, насколько она была маленькой. Но память человека умеет увеличивать прошлое. Когда тебе двадцать пять, любая каменная стена кажется крепостью. Любая гора — неприступной. Любой старик — мудрым. Любая смерть — далёкой. Кан приехал сюда весной. С ним было

сорок человек. Молодые. Глупые. Громкие. Они смеялись над местными правилами. Считали северную границу страшилкой для детей. Один солдат даже спорил, что рассказы о заражённых людях придумали старики, чтобы молодёжь не ходила ночью за стену. Пак Сон тогда был одним из самых громких.

— Если там действительно такие чудовища, — сказал он, — то почему мы до сих пор живы?

Старый начальник заставы посмотрел на него.

— Потому что пока они стоят там.

В тот момент Пак рассмеялся. Кан тоже. Через четыре месяца Пак уже не смеялся. Из сорока человек домой вернулись семеро. О том времени в крепости говорили редко. Не потому, что забыли. Потому что помнили. Первый прорыв произошёл в ночь сильного дождя. Туман пришёл не с севера. Он поднялся из самого ущелья. Это было первое, что напугало стариков. Туман не должен был быть там. Он всегда двигался от северных земель. Но в ту ночь белая масса поднялась между человеческими скалами. Сначала тонкая. Почти прозрачная. Потом густая. Она ползла по земле. Обтекала камни. Заполняла низины. И поднималась. Солдаты стояли на стене и смотрели. Никто ещё не понимал, что происходит. А потом из тумана вышел первый зверь. Он был похож на волка. Только слишком большой. И у него было три глаза. Пак Сон тогда сказал:

— Вот теперь я верю.

Кан до сих пор помнил эту фразу. Не потому, что она была смешной. А потому, что через несколько минут Пак перестал говорить.

В ту ночь выжили семеро. Кан. Пак. И ещё пятеро, чьи имена были высечены на каменных табличках не погибших, а вернувшихся. Потому что вернувшиеся тоже оставили часть себя там. Один потерял слух. Другой — руку. Третий больше никогда не разговаривал. Четвёртый спустя год сошёл с ума. Пятый ушёл на юг и умер там, не дожив до сорока. Кан остался. Пак остался. Почему? Они никогда не смогли ответить. Иногда Кан думал, что просто не хватило смелости уйти. Иногда — что не хватило сил. А иногда понимал главное... они остались потому, что если бы оба ушли, крепость перестала бы быть их домом.

После той ночи правила изменились. Старый начальник заставы погиб. Вместе с ним погибла половина гарнизона. Кан ещё не был командиром. Но именно тогда ему впервые пришлось принимать решения. Он приказал закрыть ворота. Хотя снаружи оставались трое солдат. Они стучали. Кричали. Просили открыть. Кан слышал их. Пак слышал. Все слышали. Один из них называл Кана по имени. Другой кричал, что ранен. Третий плакал. Кан стоял возле засова. И не открывал. Потом один из старых солдат подошёл к нему.

— Они наши.

Кан ответил:

— Я знаю.

— Тогда открой.

Кан посмотрел на него.

— Я не могу.

Это было первое решение, которое он принял как командир. Хотя ещё не был им. Утром выяснилось, что трое уже изменились. Они не были людьми. И если бы ворота открыли ночью, внутри крепости оказалось бы ещё трое заражённых. После этого никто больше не спорил с Каном о дверях. Через год он стал начальником. Ему было двадцать шесть. Слишком молод для этой должности. Пак тогда сказал:

— Поздравляю.

Кан посмотрел на него.

— С чем?

— Теперь ты отвечаешь за то, чтобы все мы не умерли.

— А раньше?

— Раньше отвечал старик.

— И что?

Пак пожал плечами.

— Видишь сам.

Они оба посмотрели на стену. Потом Пак сказал:

— Плохая работа.

Кан усмехнулся.

— Зато постоянная.

Так начались те самые двадцать семь лет службы. Первые годы они ещё считали погибших. Потом перестали. Не потому, что смерти стало меньше. Наоборот. Просто однажды Кан понял, что список стал длиннее, чем список живых. Тогда он приказал сделать отдельную книгу. Не военную. Не государственную. Простую. В неё записывали имена всех, кто жил в крепости. Солдат. Поваров. Кузнецов. Женщин. Детей. Рабочих. Даже тех, кто пробыл здесь всего несколько дней. На первой странице Кан написал:

“Пока имя записано, человек не исчез.”

Мун потом добавил ниже:

“Пока кто-то помнит, имя живёт.”

Они никогда не выясняли, кто написал первым. Именно Мун со временем стал хранителем этой памяти. Он рассказывал молодым не о войнах. О людях. Он мог часами говорить о бойце, который ужасно боялся мышей. О другом, который каждый день пытался приготовить чай и каждый день сжигал его. О женщине, которая прожила в крепости двадцать лет и умела чинить крыши лучше любого мужчины. О мальчишке, родившемся во время особенно холодной зимы. О старом поваре, который утверждал, что лучший способ пережить осаду — хорошо поесть перед ней. Молодые смеялись. А Мун говорил:

— Запоминайте.

— Что?

— Их.

— Зачем?

Старик смотрел на них так, будто вопрос был странным.

— Потому что однажды вы тоже станете прошлым.

Так в крепости появились свои поколения. Старики помнили тех, кто пришёл до них. Средние — тех, с кем делили службу. Молодые знали уже только по рассказам. Но рассказы переходили от одного к другому. Поэтому двадцатилетний солдат мог знать голос человека, умершего до его рождения. Мог знать, почему на третьей ступени северной башни выбит камень. Мог знать, почему зимой никто не спит возле западной стены. Мог знать, почему Пак Сон ненавидит туман больше, чем говорит. И мог знать, что когда-то Кан Чжин сам был молодым солдатом, который не умел правильно держать меч. Это делало всех частью одной истории.

Самой тяжёлой для гарнизона стала зима пятнадцать лет назад. Именно тогда Пак потерял глаз. Но это была не единственная потеря. Снег шёл девять дней. Дорога на юг исчезла. Запасы начали быстро таять. Северная сторона молчала. Слишком долго. И все в крепости уже знали главное... Тишина в этом месте всегда была хуже шума. На десятый день раздался колокол. Один удар. Второй. Третий. Потом сразу шесть. Неизвестная угроза. Солдаты привычно заняли стены. Снег падал так густо, что дальше двадцати шагов ничего не было видно. А потом в белизне появились... человеческие фигуры. Десятки. Они шли медленно. Почти спокойно. Некоторые были босыми. Некоторые — в рваной одежде. Одна женщина держала ребёнка. Один старик тащил за собой мешок. Они кричали, что заблудились. Просили впустить. Кан приказал не открывать. Пак был рядом.

— Может... Они... Настоящие? — Тихо сказал он.

— Может быть и так.

— Тогда мы оставим их умирать.

— Да.

Пак долго смотрел вниз. Потом спросил:

— А если среди них есть дети?

Кан ответил не сразу.

— Особенно если среди них есть дети.

Потому что заражённые знали, на что давить. На жалость. На страх. На память. На человеческое желание спасти. Тогда впервые погибло сразу несколько молодых. Они слышали плач. И один из них почти открыл ворота. Пак остановил его. Ударил по руке.

— Ты что делаешь?!

— Там ребёнок!

— Я знаю!

— Мы не можем оставить его!

Пак схватил его за ворот.

— Именно поэтому ты должен стоять здесь.

В ту ночь Пак и потерял свой глаз. И после этого его отношение к заражённым изменилось навсегда. Но ещё сильнее изменилось отношение гарнизона к самому Паку. До этого он был просто старшим солдатом. После той ночи он стал человеком, которому молодые начали доверять свою жизнь. Потому что он остановил одного из них. Не дал совершить ошибку. А потом сам заплатил за это.

Хан Му появился в крепости примерно в то же время. До этого он служил на другой заставе. Там погиб его младший брат. Хан никогда не рассказывал, как именно. Только однажды Мун спросил:

— Ты был рядом?

Хан ответил:

— Да.

— И не смог спасти?

— Нет.

Больше Мун ничего не спрашивал. Через год Хан стал палачом. Сначала все боялись его. Потом поняли, что Хан не любил убивать. Он просто умел делать то, чего другие не могли. Он не называл заражённых чудовищами. Не проклинал их. Не ненавидел. Именно это пугало сильнее всего. Однажды молодой солдат спросил:

— Тебе никогда не жалко?

Хан посмотрел на него.

— Всегда.

— Тогда как ты можешь?

Хан ответил:

— Поэтому и могу...

Со Ён пришла через несколько лет. К тому времени гарнизон уже успел стать тем, чем являлся сейчас. Кан — командиром. Пак — старшим десятником. Мун — стариком, который помнил слишком многое. Хан — палачом. Но крепости не хватало врача. И когда Со Ён впервые вошла через ворота, Пак посмотрел на неё и сказал:

— Нам не нужен человек, который боится крови.

Она ответила:

— Я не боюсь.

— А тумана?

Со Ён посмотрела на север.

— Не знаю.

Пак хмыкнул.

— Значит, поживёшь — узнаешь.

Она осталась. И через несколько лет стала человеком, без которого гарнизон уже не представлял себя. С годами у крепости появились собственные праздники. Не государственные. Не религиозные. Свои. В первый день весны женщины высаживали у южной стены новые ростки. В первый день зимы пересчитывали всех живых. В день основания крепости готовили рис с мясом — сколько бы ни было запасов. А в годовщину самой большой бойни никто не работал после заката. В этот вечер люди собирались во дворе. Старшие рассказывали молодым, кто погиб. Не как герои. Просто как люди.

— Вот этот любил сладкий чай.

— Этот всегда терял перчатки.

— Этот боялся собак.

— Этот врал, что умеет играть на флейте.

— Этот однажды украл три лепёшки и потом неделю отрицал.

Молодые смеялись. Потом становилось тихо. Потому что рассказы заканчивались одинаково.

— А потом он не вернулся.

И все понимали. Вот так и выглядит смерть. Не громко. Иногда даже смешно. Просто однажды человек перестаёт возвращаться.

За двадцать семь лет Кан видел, как в крепости рождались дети. Это было странно. Среди стен, где каждый день говорили о смерти, появлялась новая жизнь. Первый ребёнок, родившийся при нём, теперь был взрослым мужчиной. Второй ушёл с матерью на юг. Третья девочка умерла зимой. Четвёртый стал солдатом. Кан помнил их всех. Иногда ему казалось, что именно дети удерживают крепость от превращения в военный лагерь. Когда ребёнок смеялся во дворе, стены казались ниже. Когда женщина развешивала бельё, они снова становились домом. Когда кто-то ругался из-за плохо приготовленного риса, всё становилось почти обычным. И потому Кан особенно тщательно следил, чтобы дети никогда не подходили к северной стене. Они должны были знать, что за ней есть другой мир. Но не должны были расти, считая этот мир единственным. Были и годы, когда гарнизон почти исчезал. Однажды осталось семнадцать солдат. Всего семнадцать. Некоторые были ранены. Некоторые больны. Трое хотели уйти. Кан никого не удерживал.

— Если хочешь на юг, уходи.

Пак тогда посмотрел на него:

— Ты серьёзно?

— Да.

— А если уйдут все?

Кан пожал плечами.

— Тогда крепость останется пустой.

— И граница?

— Тоже.

Пак долго молчал. Потом сказал:

— Ненавижу, когда ты говоришь правду.

Никто не ушёл. Кроме одного. Он вернулся через два года. С поседевшими волосами. И попросил снова принять его. Кан спросил:

— Почему?

Тот ответил:

— На юге слишком тихо.

Кан посмотрел на него.

— Здесь тебе тоже будет тихо.

Солдат усмехнулся.

— Я знаю.

Его приняли. Так люди учились возвращаться. Кан — после каждой потери. Пак — после каждой раны. Со Ён — после каждой смерти, которую не смогла предотвратить. Хан — после каждого приказа. Мун — после каждого имени. Даже молодые учились. Потому что здесь взросление не измерялось годами. Оно измерялось тем, сколько раз человек пережил ночь и утром снова вышел во двор. Поэтому, когда в крепость приходил новый солдат, старшие не объясняли ему всё сразу. Они знали, что было практически невозможно просто рассказать человеку о границе. Её нужно прожить. Сначала он боялся ночи. Потом привыкал. Сначала вздрагивал от каждого звука. Потом начинал различать шаги. Сначала проверял засов трижды. Потом проверял его пять раз. Сначала смеялся над суевериями. Потом сам запрещал младшим свистеть после заката. Сначала называл крепость заставой. Потом — домом. А потом однажды ловил себя на мысли, что не знает, сможет ли жить где-нибудь ещё. Ён-су был ещё слишком молод. Он пока находился где-то между. Он всё ещё хранил деревянную лошадку. Всё ещё иногда смотрел на южную дорогу. Всё ещё скучал по дому. Но уже знал, кому нести воду. Кому оставить последнюю лепёшку. Кого разбудить перед сменой. Кому нельзя давать слишком крепкий чай. Кому не напоминать о погибшем брате. И если ночью кто-нибудь кричал:

— Помогите! Тревога!

Ён-су уже не думал. Он просто бежал. Потому что крепость постепенно становилась частью его тела. Как стена. Как оружие. Как собственное имя. Наверное, именно поэтому между ними никогда не существовало одной общей клятвы. Им не требовалось становиться братьями. Не требовалось говорить о вечной дружбе. Не требовалось обещать умереть друг за друга. Они просто делали то, что делали всегда. Когда у кого-то рвалась одежда — зашивали. Когда кто-то заболел — приносили еду. Когда кто-то терял близкого — не оставляли одного. Когда кто-то возвращался после тяжёлого патруля — молча ставили перед ним чашу горячего риса. Когда кто-то умирал — запоминали его имя. Когда кто-то боялся — делали вид, что не заметили. Потому что иногда человеку легче пережить страх, если ему позволяют сохранить достоинство. У крепости даже были свои шрамы. На южной стене — длинная трещина после землетрясения. На восточной башне — следы пожара. На воротах — глубокие борозды от когтей. На третьей ступени храма — тёмное пятно, которое не удалось отмыть даже после нескольких лет. На стене возле колокольни — семь маленьких зарубок. Мун сделал их после той первой ночи. Одна зарубка — за каждого вернувшегося. Пак однажды спросил:

— Почему не сорок?

Мун ответил:

— Потому что я не умею вырезать тех, кого уже просто нет.

Пак долго смотрел на стену. Потом больше никогда не спрашивал. Иногда ночью Кан выходил на стену один. Он смотрел на юг. Там лежали горы. Лес. Дорога. Далёкие огни. Он знал, что за ними есть города. Рынки. Храмы. Шумные улицы. Люди, которые спорят из-за цены риса. Дети, которые не знают, что такое заражённый туман. Мужчины, которые считают, что самые страшные вещи в жизни — налоги и плохой урожай. Кан никогда не завидовал им. Но иногда думал:

«Хорошо, что они могут себе это позволить.»

Потом поворачивался на север. И видел тьму. Тогда становилось ясно, зачем он здесь. Не ради славы. Не ради награды. Не ради государства. Он стоял здесь потому, что кто-то должен был стоять. Пак иногда приходил к нему.

— Опять не спишь?

— Ты тоже.

— У меня уважительная причина.

— Какая?

— Старость.

Кан усмехался. Они стояли рядом. Долго. Иногда молчали. Однажды Пак спросил:

— Если бы тебе снова было двадцать пять, ты бы приехал?

Кан не ответил сразу на этот вопрос. Внизу горели фонари. В казарме кто-то смеялся. Мун наверху проверял колокол. Где-то Со Ён закрывала лекарскую. Хан, вероятно, уже закончил тренировку. А молодой Ён-су наверняка опять забыл убрать сапоги. Кан посмотрел на всё это.

— Нет.

Пак удивлённо повернулся.

— Нет?

— Я бы не приехал.

Пак некоторое время молчал. Потом спросил:

— Тогда почему остался?

Кан посмотрел на него.

— Потому что уже приехал сюда.

Пак рассмеялся. Сначала тихо. Потом громче. И через несколько секунд Кан тоже засмеялся. На стене. Посреди ночи. На границе двух миров. Два старика смеялись над тем, что когда-то было самым тяжёлым выбором их жизни. И всё же у крепости была одна история, которую не рассказывали молодым. Потому что её ещё не закончили. Она начиналась двадцать семь лет назад. И продолжалась каждое утро. Каждый новый солдат добавлял в неё свою строку. Каждый погибший — имя. Каждый пережитый прорыв — шрам. Каждая зима — память. Каждая дружба — ещё один камень в стене. Поэтому крепость была сильна не только камнем. Она была сильна тем, что за её стенами слишком много людей уже стали частью жизни друг друга. Если погибал один, остальные помнили. Если исчезал второй, его место всё равно оставалось. Если кто-то заболел, ему приносили воду. Если кто-то боялся — рядом садился другой. Если кто-то не возвращался с дозора, на стене становилось на одного человека меньше. И все чувствовали это. Даже те, кто не знал погибшего лично. Потому что смерть одного человека здесь никогда не была только его смертью. Она меняла всю крепость. И поэтому девятый удар колокола всегда был самым страшным. Не потому, что он означал нашествие. Не потому, что за стеной появлялись десятки существ. Не потому, что мог погибнуть весь гарнизон. Девятый удар означал другое.

“Теперь все должны помнить друг друга.”

Потому что после девятого удара каждый мог стать последним. Кан. Пак. Со Ён. Хан. Мун. Ён-су. Любой. И если один из них падал, остальные продолжали. Не потому, что так требовал приказ. А потому, что каждый понимал: если я встану на место погибшего, кто-нибудь другой сможет вернуться домой. Если я донесу раненого, его имя не исчезнет. Если я закрою ворота, даже когда за ними кричит человек, которого я люблю, я сохраню тех, кто внутри. Если я убью того, кто уже перестал быть человеком, я сделаю это не потому, что ненавижу его. А потому, что помню, каким он был. В этом и заключалась самая тяжёлая часть службы. Гарнизон никогда не сражался только за жизнь. Он сражался за память о том, *какой должна оставаться человеческая жизнь*. Наверное, поэтому каждый вечер, когда солнце уходило за горы, Мун делал одно и то же. Он бил в маленький колокол один раз. Не тревога. Не приказ. Не сигнал. Просто один удар. Его слышали все. На стене. Во дворе. В казармах. В лекарской. В кухне. На кухне. Даже дети знали этот звук. Он означал:

“Мы ещё здесь.”

Кан однажды спросил:

— Зачем ты это делаешь?

Мун ответил:

— Чтобы не забыть.

— Что?

Старик посмотрел на крепость. На людей. На стены. На тёмные горы за северной границей.

— Что мы ещё живы.

Тогда Кан кивнул. И больше не спрашивал. Поэтому в ту ночь, когда из тумана снова прозвучал голос, который назвал Кана по имени, крепость уже была не той, которую он когда-то увидел двадцать семь лет назад. За эти годы она стала больше. Хотя её стены почти не изменились. Она стала больше благодаря людям. Благодаря тем, кто умер. Тем, кто остался. Тем, кто родился. Тем, кто вернулся. Тем, кого не смогли спасти. Тем, кого пришлось убить. Тем, кого продолжают помнить. И когда голос из тумана произнёс:

— Старший брат...

Кан не был один. За его спиной стояли двадцать семь лет. Стоял Пак со своим единственным глазом. Стояла Со Ён, знавшая цену сомнения. Стоял Хан Му с мечом, который слишком много раз выходил из ножен. Стоял Мун, помнивший имена тех, кого уже никто больше не помнил. Стоял Ён-су и ещё десятки людей, которые были для Кана уже не солдатами. Не подчинёнными. Не гарнизоном. А именно... *Его жизнью*. И потому Кан не ответил голосу. Потому что понимал то, что... демоны ошиблись. Они научились узнавать их. Научились вспоминать за них. Научились говорить голосами тех, кого они потеряли. Но они ещё не знали самого главного. Человек, который стоит один, может открыть дверь из-за любви. Но человек, за спиной которого стоят двадцать семь лет общей жизни, знает: иногда любовь — это не открыть. Иногда любовь — удержать другого от того, чтобы он сделал шаг в туман. Даже если он будет просить. Даже если будет плакать. Даже если голос за стеной будет голосом твоего младшего брата. Кан медленно опустил руку. Пак встал слева. Хан — справа. Со Ён осталась за спиной. Мун поднялся над ними на башне. Молодые солдаты сомкнули строй. Никто не произнёс клятвы. Никто не сказал:

“Мы будем вместе.”

Это уже было сказано. Не словами. Двадцатью семью годами. И крепость ответила туману своей тишиной.

.....

В крепости не было человека, который пришёл сюда совершенно один. Даже если он вошёл через ворота без семьи, без друзей и без имени, которое здесь кто-нибудь знал, очень скоро у него появлялась своя тень. Чей-то голос из прошлого. Чьи-то сапоги, которые он помнил по шагам. Чашка, которую больше никто не использовал. Старое место у костра. Рана. Привычка. История. У каждого в крепости был свой мёртвый. Иногда один. Иногда много. И мёртвые здесь не уходили окончательно. Они оставались в живых. В том, как Кан проверял засовы. В том, как Пак закрывал левую сторону. В том, как Со Ён пересчитывала дыхание у больного. В том, как Хан Му держал меч. В том, как Мун звонил в маленький вечерний колокол. Даже в том, как Ён-су прятал деревянную лошадку под подушкой. Потому что некоторые вещи человек начинает делать не для себя. Он продолжает их делать за того, кто уже не может.

У Кана был младший брат. Об этом знали немногие. Пак знал. Мун знал. Со Ён догадалась спустя несколько лет. Остальные слышали лишь однажды — в разговоре, который Кан сам оборвал. Его звали Кан Тэ. Они были погодками. В детстве Тэ был тем, кто постоянно попадал в неприятности. Кан был старшим. Значит, виноватым всегда считали его. Если Тэ разбивал чашу — спрашивали Кана. Если Тэ убегал к реке — ругали Кана. Если Тэ дрался с соседскими мальчишками — Кан получал первым. И всё равно именно Тэ ходил за ним хвостом. Когда Кан впервые отправился на службу, брат проводил его до дороги.

— Ты вернёшься?

Кан тогда был молод. Он улыбнулся.

— Конечно.

Тэ протянул ему маленький деревянный амулет. Дешёвая вещь. Вырезанная из ветки. На ней был изображён журавль.

— Чтобы не забыл дорогу.

Кан взял амулет.

— Я не забуду.

Он не вернулся домой. Потому что через несколько лет, когда Кан уже служил на заставе, Тэ пришёл сюда сам. Не как солдат. Он искал брата. Дорога была перекрыта. Ночью начался прорыв. Тэ оказался по ту сторону внутренней линии. Кан видел его. Видел лицо. Слышал голос. И видел, как на коже появляются первые тёмные прожилки. Кан приказал закрыть ворота. Тэ стоял за ними.

— Чжин!

Кан держал руку на засове.

— Чжин, открой!

Пак стоял рядом.

— Не смотри.

Кан смотрел.

— Я твой брат!

И тогда Тэ сказал то, что Кан потом слышал во сне ещё много лет.

— Ты обещал, что вернёшься.

После этого Кан сам отдал приказ. Хан Му ещё не был палачом. Другой солдат поднял лук. Кан не позволил ему стрелять. Он сам взял оружие. Потому что это был его брат. И если кто-нибудь должен был закончить это, то он. После той ночи Кан больше никогда не носил деревянного журавля на шее. Он положил его в сундук. Мун нашёл его спустя двадцать лет.

— Почему ты не выбросил?

Кан ответил:

— Потому что обещал не забывать дорогу.

И именно поэтому голос из тумана в ту ночь произнёс:

— Старший брат...

Демоны не придумали этот голос. Они нашли его в памяти Кана...

У Пака была другая потеря. Его старшего сына звали Сон-джэ. Мальчик никогда не хотел быть солдатом. Пак смеялся над этим.

— Тогда станешь торговцем.

— Стану.

— Пойдёшь в город?

— Да.

— И будешь торговать?

— Да.

— Чем?

Сын подумал.

— Чем-нибудь дорогим.

Пак тогда сказал:

— Хороший план.

Он всегда хотел, чтобы сын ушёл. Не на войну. Не в крепость. Не на границу. Подальше. Но когда Сон-джэ исполнилось девятнадцать, он сам пришёл к заставе. Не служить. Принести отцу письмо. Он собирался уехать на юг утром. До утра не дожил. Той ночью произошёл прорыв. Пак оказался на северной стене. Сын — во внутреннем дворе. Когда начался бой, Пак не знал, где он. А потом увидел. Сон-джэ помогал выводить детей из казарм. Именно тогда заражённый человек бросился на него. Пак спрыгнул со стены. Успел. Но недостаточно быстро.

Он убил заражённого. Сын был жив. Ещё несколько часов. Со Ён тогда была совсем молодой лекаркой. Она делала всё, что могла. Пак сидел рядом. Сон-джэ попросил:

— Папа.

— Я здесь.

— Я всё-таки не стану торговцем.

Пак рассмеялся. Хотя плакал.

— Вот дурак.

Сын улыбнулся.

— Ты тоже.

Это были последние слова. После этого Пак больше никогда не говорил о нём. Но каждый год в первый день весны он покупал на рынке маленький кусок красной ткани. И привязывал его к южной ветке. Красный цвет был любимым цветом Сон-джэ. Никто не спрашивал. Даже Кан. Потому что в крепости уважали чужое молчание...

У Со Ён не было погибшего на стене. Её мёртвый лежал внутри неё самой. Её муж. Но до него был кое-кто другой. Маленькая девочка. Ей было семь лет. Она была первой пациенткой Со Ён, которую та не смогла спасти. Девочку звали Ми-ра. Она попала в крепость во время одного из прорывов. Никаких явных признаков заражения. Только жар. Слабость. Тёмная линия возле запястья. Со Ён сказала:

— Это может быть просто лихорадка.

Мун потом рассказывал, что Со Ён всю ночь сидела возле девочки. Утром Ми-ра перестала дышать. Через час на её коже появились чёрные пятна. Она уже была мертва. Но Со Ён поняла, что если бы девочка выжила ещё на несколько часов, они могли бы не заметить заражение. С того дня она начала проверять всё. Глаза. Дёсны. Ногти. Пульс. Запах кожи. Температуру. Дыхание. Даже то, как человек отвечает на простой вопрос. Другие считали её слишком осторожной. Пак называл её “ведьмой”. Кан однажды спросил:

— Ты доверяешь кому-нибудь?

Она посмотрела на него.

— Да.

— Кому?

— Тем, кто позволяет мне проверять себя.

Именно поэтому Со Ён стала той, кто каждый раз после тревоги проходит по казармам. Она не просто ищет заражённых. Она ищет Ми-ру. Ту маленькую девочку, которую однажды не распознала. И каждый раз, когда кто-нибудь говорит:

— Со Ён, со мной всё нормально.

Она отвечает:

— Я знаю.

И всё равно проверяет. Потому что когда-то она тоже знала...

Хан Му помнил своего брата. Но в крепости он помнил ещё одного человека. Молодого солдата по имени Чан. Тот был ужасным бойцом. Плохо стрелял. Путал приказы. Боялся высоты. Но умел смешить людей. Особенно Пака. Чан называл Хана “дедом”, хотя Хан был тогда едва старше тридцати.

— Дед, дай меч.

— Зачем?

— Хочу научиться.

— Ты вчера чуть не отрубил себе ногу.

— Сегодня буду осторожнее.

Хан давал. Чан тренировался. Они смеялись. А потом однажды Чан вернулся с патруля. Он выглядел совершенно здоровым. Даже шутил. Но Со Ён заметила, что он перестал моргать. Это был первый признак. Потом появился второй. Он перестал узнавать людей. К вечеру Чан

напал на одного из солдат. Хан остановил его. Они дрались во дворе. Чан кричал. Хан не хотел убивать. Несколько раз сбивал его с ног. Связывал. Но Чан снова вставал. Пока наконец не посмотрел на Хана. На одно короткое мгновение его глаза стали прежними.

— Дед...

Хан застыл.

— Я здесь.

— Не дай мне...

Он не закончил. Хан понял. После этого он сам попросил Кана дать ему право исполнять приговоры. Не потому, что стал безжалостным. Наоборот. Потому что понял: кто-то должен иметь силу остановить человека до того, как тот перестанет быть собой окончательно. Поэтому Хан всегда спрашивает имя. Перед каждым приговором. Даже если человек уже не отвечает. Он произносит:

— Назови себя.

Если ответа нет, Хан всё равно говорит:

— Я помню.

И только потом поднимает меч...

У Муна было больше мёртвых, чем у всех остальных. Но он не принадлежал им. Он принадлежал памяти. В первую же большую ночь он потерял жену. Она работала на кухне. Когда начался прорыв, Мун был у колокола. Он слышал крики. Слышал удары. Слышал, как рушится северная дверь. Он хотел спуститься. Но старый начальник приказал:

— Звони.

Мун остался. Он бил в колокол до рассвета. Когда спустился, жена была мертва. После этого он больше никогда не спрашивал, почему именно ему пришлось остаться. Он просто продолжил звонить. Через сорок два года он всё ещё продолжал. Потому что понял одну вещь: колокол нужен не только для того, чтобы предупреждать живых. Он был нужен для того, чтобы мёртвые знали, что их смерть не прошла незамеченной. Поэтому Мун помнил всех. Он мог назвать имя человека, погибшего тридцать лет назад. Помнил, кто любил сладкий рис. Кто боялся грозы. Кто храпел. Кто плохо стрелял. Кто хотел вернуться домой. И если молодой солдат спрашивал:

— Зачем мне знать имя того, кого я никогда не видел?

Мун отвечал:

— Потому что однажды тебя тоже не будет. И я хочу, чтобы кто-нибудь знал, кем ты был...

У Ён-су пока не было большого мёртвого. Именно поэтому он был самым уязвимым. Он ещё не потерял человека, ради которого пришлось бы менять себя. Но у него уже появился первый. Его звали Чхве Мин. Старший солдат, который однажды взял Ён-су в пару. Мин был терпелив. Учился с ним стрелять. Учился ставить ноги. Учился не падать. Он говорил:

— Не смотри на цель.

— А куда смотреть?

— На дыхание.

— Почему?

— Потому что цель не знает, когда ты дышишь.

Ён-су ничего не понял. Мин засмеялся. Через три месяца Мин погиб. Не в большой битве. На обычном патруле. Двое солдат вернулись. Мин — нет. Ён-су тогда впервые понял, что человек может погибнуть в совершенно обычный день. Без грома. Без героической последней фразы. Просто не вернуться к ужину. После этого он начал лучше следить за сменами. Стал проверять ремни. Стал считать людей. И однажды Пак заметил:

— Ты считаешь нас перед каждым выходом.

Ён-су пожал плечами.

— Чтобы никого не забыть.

Пак ничего не сказал. Только вечером оставил возле его кровати новую пару перчаток. Ён-су знал, откуда они. Но тоже ничего не сказал...

Так получилось, что старые мёртвые постепенно связали живых. Кан помнил брата. Пак — сына. Со Ён — девочку. Хан — Чана и брата. Мун — жену и десятки других. Ён-су — своего первого наставника. И они никогда не рассказывали друг другу всё. Но им и не требовалось. В крепости люди научились узнавать чужую боль по маленьким вещам. Кан никогда не любил, когда кто-нибудь стоял у северных ворот слишком долго. Пак никогда не проходил мимо красной ткани на южном дереве. Со Ён не позволяла детям оставаться в лекарской после заката. Хан всегда спрашивал имя. Мун никогда не пропускал вечерний удар. Ён-су всегда пересчитывал людей. Это были их мёртвые. Не раны. Не цепи. Скорее — невидимые руки, лежавшие на плечах. Они не мешали идти. Они заставляли идти осторожнее. Однажды вечером Ён-су спросил у Муна:

— Почему вы всё это помните?

Старик долго молчал. Потом сказал:

— Потому что забывать удобно.

— И что в этом плохого?

— Если забудешь человека, который погиб из-за твоей ошибки, ты можешь повторить её.

— А если он погиб не по твоей вине?

— Тогда ты всё равно должен помнить.

— Зачем?

Мун посмотрел на него.

— Чтобы его смерть не стала просто числом.

Ён-су долго молчал. Но потом всё же спросил:

— А если помнить слишком много?

Мун улыбнулся.

— Тогда научишься жить с тяжестью.

— Это обязательно?

— На границе — да.

И именно поэтому старые потери однажды стали оружием против самих людей. Когда туман научился говорить их голосами, он думал, что нашёл слабость. Он ошибался. Потому что знал только лица. Знал голоса. Знал слова. Но не знал значения. Он мог принять голос Тэ. Мог говорить голосом Сон-джэ. Мог плакать голосом Ми-ры. Мог смеяться голосом Чана. Мог назвать имя жены Муна. Мог позвать Ён-су голосом его наставника. Но он не понимал того, что люди понимали без слов. Тэ никогда не просил бы Кана открыть ворота ценой чужих жизней. Сон-джэ никогда не хотел бы, чтобы отец бросил своих людей ради него. Ми-ра никогда не хотела бы, чтобы Со Ён перестала проверять больных из-за страха снова ошибиться. Чан не хотел бы, чтобы Хан стал безжалостным. А Мин хотел бы, чтобы Ён-су продолжал считать людей. Вот почему, когда из тумана снова раздался знакомый голос, Кан впервые не почувствовал только боль. Он почувствовал ярость. Потому что туман взял то, что было ему дорого, и попытался использовать это против него. Кан посмотрел на Пака. Пак понял без слов. Пак посмотрел на Со Ён. Она тоже поняла. Хан крепче сжал рукоять меча. Мун поднял голову к колоколу. А Ён-су, стоявший среди молодых солдат, начал считать. Один. Два. Три. Четыре. Все на месте. Пока все на месте. И тогда Кан понял то, чего не понимал двадцать семь лет. Он всю жизнь думал, что мёртвые тянут живых назад. Но это было неправдой. Мёртвые не тянули их назад. Они стояли позади. И держали им спины. Поэтому люди, которые слишком много потеряли, иногда становились крепче не вопреки своей боли. А благодаря тому, что боль научила их одному:

“Никого из тех, кто ещё жив, нельзя отдавать тьме без борьбы.”

Даже если тьма говорит голосом того, кого ты любил. Даже если она знает твоё имя. Даже если она помнит твоё прошлое лучше, чем любой живой человек. Она всё равно не знает главного. Она не знает, *за кого ты стоишь*. А люди в крепости знали. Они стояли друг за друга. За тех, кто был жив. И за тех, кто однажды погиб, чтобы остальные могли остаться людьми...

У крепости же была своя собственная память. Не та, которую хранили в государственных архивах. В тех бумагах всё было просто. Год основания. Количество солдат. Количество зерна на зиму. Число стрел в оружейной. Сколько раз ремонтировали северную стену. Сколько нападений отбили. Сколько людей погибло. Сколько пропало. Когда сменился начальник. Когда пришёл новый гарнизон. Несколько сухих строк. Несколько печатей. Несколько цифр. Так государство помнило крепость. Но сама крепость помнила иначе. Она хранила прошлое в трещинах старого камня. В выбитых ступенях. В зарубках на балках. В пятнах, которые не удавалось отмыть. В старой красной ленте, которую каждую весну привязывали к ветке у южной стены. В деревянном журавле, который много лет лежал на дне сундука командира. В чаше сладкого риса, которую иногда ставили перед одной из каменных табличек. В привычке проверять засов дважды. В привычке считать людей перед выходом. В привычке спрашивать имя у того, кого собирались убить. И особенно — в том, чего здесь никогда не делали. Не свистели после заката. Не спали головой к северу. Не оставляли открытой северную дверь. Не приносили в крепость вещи, найденные за границей. Не отвечали на голоса из тумана. И никогда не говорили:

— В этот раз всё будет спокойно.

Потому что двадцать семь лет назад один человек уже произнёс нечто похожее. И после этого крепость узнала цену словам. Двадцать семь лет назад Кан Чжин впервые увидел заставу. Ему было двадцать пять. В том возрасте человек ещё не понимает, насколько коротка человеческая жизнь. Ему кажется, что впереди годы. Десятилетия. Что раны затягиваются. Что погибшие остаются где-то далеко. Что дом всегда будет ждать возвращения. Кан приехал весной. С ним было сорок человек. Молодых. Громких. Уверенных в себе. Они смеялись над местными правилами. Один говорил, что северные земли придумали старики, чтобы пугать детей. Другой утверждал, что никакого заражённого тумана не существует. Третий спорил, что любой зверь, который выходит из-за границы, просто больной. Пак Сон был среди самых громких. Ему тогда было двадцать семь. Он уже считал себя опытным солдатом. Однажды, стоя на стене, он посмотрел на тёмные горы за ущельем и сказал:

— Если там действительно такие чудовища, почему мы до сих пор живы?

Старый начальник заставы посмотрел на него.

— Потому что пока они стоят там.

Пак рассмеялся. Кан тоже. Но всего через четыре месяца Пак уже больше не смеялся. Из сорока человек домой вернулись семеро. И даже эти семеро вернулись не полностью. Один потерял слух. Другой — руку. Третий больше никогда не заговорил. Четвёртый спустя год сошёл с ума. Пятый ушёл на юг и умер там, не дожив до сорока. А Кан и Пак остались. Они сами не могли сказать почему. Наверное, сначала просто не знали, куда идти. Потом стало поздно. А ещё позже они поняли, что крепость успела стать домом.

.....

Первый большой прорыв случился в ночь сильного дождя. Самым страшным было даже не то, что произошло потом. А то, как всё началось. Туман поднялся из ущелья. Не пришёл с севера. Не спустился с гор. Именно поднялся. Из человеческой земли. Из камней, по которым ещё днём ходили люди. Сначала он был тонким. Почти прозрачным. Потом стал густым. Он не стелился, как обычный туман. Он полз. Обтекал камни. Просачивался между деревьями. Переливался через ступени. И постепенно поднимался к стенам. Солдаты смотрели на него, не понимая, что именно их пугает. А потом из белой пелены вышел первый зверь. Он был похож

на волка. Только слишком большой. И с тремя глазами. Пак Сон долго смотрел на него. Потом тихо произнёс:

— Вот теперь я верю.

Это была последняя шутка той ночи. Через несколько часов половины гарнизона уже не существовало. К рассвету крепость была залита кровью. А старый начальник заставы погиб.

Кан ещё не был командиром. Но именно в ту ночь ему пришлось впервые решить, кем он является. Ворота закрыли. А затем снаружи появились трое. Солдаты. Живые. По крайней мере, на первый взгляд. Они били в ворота. Кричали. Просили открыть. Один называл Кана по имени. Другой говорил, что ранен. Третий плакал.

— Откройте!

Кан стоял у засова. Пак был рядом.

— Они наши... — Сказал кто-то.

Кан ответил:

— Я знаю.

— Тогда открой.

Кан посмотрел на ворота. Потом на Пака. Потом снова на ворота.

— Я не могу.

Трое продолжали кричать. Один плакал. Другой обещал, что внутри никого не тронет. Третий просто звал Кана. Утром стало ясно, что все трое были заражены. Если бы ворота открыли, они оказались бы внутри. Вместе с ними вошёл бы туман. Вместе с ними вошла бы смерть. И тогда Кан впервые понял простую вещь. Иногда самое жестокое решение оказывается единственным способом защитить живых. Через год он стал начальником заставы. Ему было двадцать шесть. Пак тогда поздравил его.

— С чем?

— Теперь ты отвечаешь за то, чтобы мы все не умерли.

Кан посмотрел на него.

— А раньше?

Пак пожал плечами.

— Раньше отвечал старик.

Они оба посмотрели на стену.

— Плохая работа. — Сказал Пак.

— Зато постоянная. — Тут же ответил Кан.

Так шли его двадцать семь лет. Первые годы они считали погибших. Потом Кан понял, что это бессмысленно. Список стал слишком длинным. В какой-то момент имена мёртвых начали занимать больше места, чем имена живых. Тогда он велел завести другую книгу. В ней записывали всех. Солдат. Кузнецов. Поваров. Женщин. Детей. Тех, кто родился здесь. Тех, кто прожил всего несколько дней. Тех, кто ушёл. Тех, кто вернулся. На первой странице Кан написал:

“Пока имя записано, человек не исчез.”

Мун, уже тогда служивший при колокольне, спустя какое-то время дописал ниже:

“Пока кто-то помнит, имя живёт.”

Так у крепости появилась память. Не официальная. Настоящая. Мун хранил её лучше всех. Он помнил не только погибших. Он помнил людей. Кто любил сладкий рис. Кто боялся мышей. Кто храпел. Кто плохо стрелял. Кто каждый вечер сидел у южной стены. Кто хотел стать торговцем. Кто мечтал однажды увидеть море. Кто собирался жениться весной. Кто обещал матери вернуться. Молодые иногда спрашивали:

— Зачем нам знать тех, кого мы никогда не видели?

Мун смотрел на них.

— Потому что однажды вас тоже не будет.

И после короткой паузы добавлял:

— А я хочу, чтобы кто-нибудь знал, кем вы были.

Сам Кан часто вспоминал то, как примерно через семь лет после первого большого прорыва в крепость пришёл Кан Тэ. Его младший брат. Они были почти погодками. В детстве Тэ постоянно попадал в неприятности. Разбивал чаши. Убегал к реке. Дрался с соседскими мальчишками. И всегда, каким-то непостижимым образом, виноватым оказывался Кан. Но именно Тэ всегда шёл за старшим братом. Когда Кан уходил на службу, Тэ провожал его до самой дороги.

— Ты вернёшься?

Кан улыбнулся. Тогда ему было двадцать пять. Он ещё верил, что может обещать такие вещи.

— Конечно.

Тэ протянул ему маленький деревянный журавлик. Он был вырезан из ветки. Кривой. Грубый. Совершенно дешёвый.

— Чтобы не забыл дорогу.

Кан взял его.

— Не забуду.

Он действительно не забыл. Но домой не вернулся. Потому что спустя несколько лет Тэ пришёл к нему сам. Он добрался до заставы как раз перед очередным прорывом. Ночью началась тревога. Туман пошёл через ущелье. Тэ оказался по ту сторону внутренней линии. Кан увидел его. Узнал сразу. Даже спустя столько лет. Увидел лицо. Услышал голос. Услышал, как тот зовёт его по имени. А затем увидел тёмные прожилки под кожей. Кан приказал закрыть ворота. Тэ не понимал. Сначала он кричал. Потом просил. Потом плакал.

— Чжин!

Кан стоял у засова.

— Открой!

Пак был рядом.

— Не смотри.

Но Кан смотрел.

Тэ прижал ладонь к воротам.

— Я твой брат!

Кан закрыл глаза. И тогда услышал:

— Ты обещал, что вернёшься.

После этого Кан сам отдал приказ. Другой солдат уже поднял лук. Кан остановил его.

— Я сам.

Он взял оружие. Потому что это был его брат. И если кто-нибудь должен был поставить точку, то это должен был сделать он. После той ночи деревянный журавлик исчез. Кан спрятал его в сундук. Он не выбросил. Просто больше не мог смотреть.

Через несколько лет в крепости появился Хан Му. Он пришёл с другой заставы. Высокий. Худой. Спокойный. С мечом, который выглядел совершенно обычным. Его младший брат погиб там, откуда пришёл Хан. О том, как именно, он почти никогда не рассказывал. Однажды Мун спросил:

— Ты был рядом?

— Да.

— И не смог спасти?

— Нет.

.....

Пятнадцать лет назад, когда пришла зима... Именно тогда, в одну из мрачных ночей Пак потерял глаз. Но потерял он не только его. Во внутреннем дворе оказался его сын. Сон-

джэ. Ему было девятнадцать. Он никогда не хотел становиться солдатом. Он собирался стать торговцем. Когда-то Пак смеялся:

— Хороший план.

Сын отвечал:

— Я уеду на юг.

— И чем будешь торговать?

— Чем-нибудь дорогим.

Пак хотел, чтобы он уехал.

Подальше от гор. Подальше от северной границы. Но Сон-джэ пришёл в крепость сам. Не служить. Принести отцу письмо. Утром должен был уйти. До утра не дожид. Когда начался бой, он помогал выводить детей из казарм. Пак увидел его слишком поздно. Заражённый бросился на мальчишку. Пак спрыгнул со стены. Успел убить тварь. Но сын уже был ранен. Со Ён тогда ещё не было в крепости. Его лечила другая женщина. Но выжить он не смог. Пак сидел рядом до самого конца. Сон-джэ открыл глаза.

— Папа.

— Я здесь.

— Я всё-таки не стану торговцем.

Пак рассмеялся.

Он плакал.

— Вот дурак.

Сын улыбнулся.

— Ты тоже.

Это были его последние слова. С тех пор Пак больше не говорил о сыне. Но каждую весну покупал кусок красной ткани. И привязывал к южной ветке. Красный был любимым цветом Сон-джэ. Так сын остался в крепости. Не именем. Не памятником. Красной полоской ткани, которую весной трепал ветер.

Годы проходили. Иногда становилось тише. Настолько тихо, что люди начинали забывать, насколько хрупкой была граница. В такие годы в крепости рождались дети. Женщины развешивали бельё. На кухне ругались из-за риса. Кто-то чинил крышу. Кто-то спорил о цене зерна. Молодые смеялись. Иногда гарнизон сокращался до семнадцати человек. Однажды один солдат ушёл на юг. Кан не удерживал. Через два года он вернулся. Волосы у него поседели.

— Почему вернулся? — спросил Кан.

— На юге слишком тихо.

Кан посмотрел на него.

— Здесь тоже будет тихо.

Солдат усмехнулся.

— Я знаю.

Его приняли. Потому что в крепости понимали: иногда человек может уйти из дома. Но не может перестать быть его частью.

И именно тогда Ён-су впервые понял одну из самых страшных вещей на границе: человек может погибнуть в совершенно обычный день. Без грома. Без героической последней фразы. Просто не прийти к ужину. После этого Ён-су начал считать людей. Перед выходом. После возвращения. Во время смены. Проверять ремни. Проверять оружие. Проверять, все ли на месте. Однажды Пак заметил:

— Ты опять считаешь.

Ён-су пожал плечами.

— Чтобы никого не забыть.

Пак ничего не ответил. Только вечером оставил возле его кровати новые перчатки. Ён-су знал, кто их принёс. Но тоже промолчал.

Так крепость постепенно становилась тем, чем являлась теперь. Не просто заставой. Не просто военным постом. Не просто стеной между двумя мирами. Домом. И у этого дома были свои мёртвые. У Кана — Тэ. У Пака — Сон-джэ. У Со Ён — Ми-ра. У Хана — брат и Чан. У Муна — жена и десятки тех, чьи имена уже почти никто не помнил. У Ён-су — Чхве Мин. Но мёртвые здесь не исчезали. Они превращались в привычки живых. Тэ жил в том, как Кан проверял ворота. Сон-джэ — в красной ткани на южной ветке. Ми-ра — в каждом осмотре Со Ён. Чан — в руке Хана на рукояти меча. Жена Муна — в каждом ударе вечернего колокола. Чхве Мин — в каждом пересчитанном человеке. И постепенно произошло то, чего никто не заметил. Потери перестали быть только потерями. Они стали частью защиты.

Поэтому каждый вечер Мун бил в маленький колокол один раз. Один удар. Не тревога. Не приказ. Не сигнал. Просто звук. Его слышали все. На стенах. Во дворе. В казармах. На кухне. В лекарской. Он означал:

“Мы ещё здесь.”

Кан однажды спросил:

— Зачем ты это делаешь?

Мун ответил:

— Чтобы не забыть.

— Что?

Старик посмотрел на крепость. На людей. На стены. На тёмные горы.

— Что мы ещё живы.

Кан кивнул. Он понял. За двадцать семь лет в крепости появились свои поколения. Дети выросли. Старики умерли. Молодые стали стариками. Некоторые ушли. Некоторые вернулись. Некоторые так и не вернулись. И всё это время крепость менялась почти незаметно. Её стены оставались прежними. Но людей внутри становилось всё больше. Потому что каждый новый человек приносил с собой чью-нибудь память. Каждый погибший оставлял после себя место. Каждая потеря меняла тех, кто оставался. Кан стал осторожнее. Пак — внимательнее к молодым. Со Ён — беспощаднее к собственным сомнениям. Хан — спокойнее перед смертью. Мун — внимательнее к именам. Ён-су — ответственнее за тех, кто идёт рядом. Они не стали сильнее потому, что привыкли к смерти. Они стали сильнее потому, что научились не позволять смерти становиться бессмысленной.

Именно поэтому туман однажды ошибся. Он научился говорить. Научился узнавать голоса. Научился находить лица в человеческой памяти. Он мог назвать Кана по имени. Мог говорить голосом его брата. Мог плакать голосом Сон-джэ. Мог позвать Со Ён голосом маленькой Ми-ры. Мог смеяться голосом Чана. Мог произнести имя жены Муна. Мог обратиться к Ён-су голосом его наставника. Туман считал, что нашёл их слабость. Он ошибался. Потому что знал голоса. Знал лица. Знал отдельные слова. Но не знал значения. Он мог говорить голосом Тэ. Но не понимал, что Тэ никогда не попросил бы Кана открыть ворота ценой жизней остальных. Мог говорить голосом Сон-джэ. Но не понимал, что сын никогда не попросил бы отца бросить людей ради него. Мог плакать голосом Ми-ры. Но не знал, что она никогда не хотела бы, чтобы Со Ён перестала проверять больных. Мог смеяться голосом Чана. Но не понимал, что Чан не хотел бы видеть Хана безжалостным. Мог говорить голосом Чхве Мина. Но не знал, что Мин прежде всего потребовал бы от Ён-су пересчитать людей. Туман знал память. Но не понимал любви.

Поэтому, когда ночью из-за северной стены снова раздался знакомый голос, Кан не сразу почувствовал страх. Сначала он почувствовал боль. Потом узнал голос.

— Старший брат...

Кан замер. Пальцы сжались на рукояти меча. На мгновение перед ним снова возник мальчик с деревянным журавликом. Тот, кто однажды спросил:

“Ты вернёшься?”

Тот, кому Кан обещал. На мгновение ему снова стало двадцать пять. Но за спиной уже не было пустоты. За его спиной стояли двадцать семь лет. Стоял Пак. Одноглазый, хромающий, всё ещё готовый закрыть собой молодого солдата. Стояла Со Ён. Та, что никогда больше не позволяла себе сказать:

“Наверное, ничего страшного.”

Стоял Хан Му. С мечом, который слишком много раз выходил из ножен. Стоял Мун. Старик, помнивший даже тех, кого больше никто не помнил. Стоял Ён-су. И ещё десятки людей. Те, кто родился здесь. Те, кто пришёл позже. Те, кто ещё не успел стать частью старой памяти. Кан посмотрел на них. И понял то, чего не понимал двадцать семь лет. Он всегда думал, что мёртвые держат живых за прошлое. Что они заставляют человека оглядываться. Что каждая потеря — это тяжесть. Но он ошибался. Мёртвые не тянули их назад. Они стояли позади. И держали им спины. Кан медленно опустил руку. Пак встал слева. Хан — справа. Со Ён осталась позади. Мун поднялся к колоколу. А Ён-су начал считать. Один. Два. Три. Четыре. Пять. Все на месте. Пока все на месте. И тогда Кан понял ещё одну вещь. Крепость держалась не на камне. Камень можно разбить. Стены можно обрушить. Ворота можно выломать. Даже гору можно однажды расколоть. Но двадцать семь лет общей жизни разрушить было гораздо труднее. Потому что здесь каждый знал: если погибнет один, остальные запомнят. Если исчезнет второй, его место останется. Если кто-нибудь заболит, Со Ён придёт. Если кто-нибудь не вернётся, Ён-су пересчитает остальных. Если придётся убить заражённого, Хан спросит его имя. Если умрёт старик, Мун запишет его историю. Если молодой солдат испугается, Пак встанет рядом. Если за воротами будет голос человека, которого Кан любит, он всё равно не откроет. Потому что теперь за этими воротами находились не просто люди. Там находилась вся жизнь крепости. Вся её память. Все те, кого они потеряли. И все те, кого они ещё могли спасти. Кан посмотрел на туман. Голос за стеной снова произнёс:

— Старший брат...

Кан закрыл глаза. И впервые за двадцать семь лет ответил. Но не голосу. Людям за своей спиной.

— Все на месте?

Ён-су пересчитал ещё раз.

— Все.

Кан открыл глаза.

— Тогда держать ворота.

И никто не спросил почему. Потому что ответ знали все. Когда-то каждый из них потерял кого-то. И каждый поклялся себе — не словами, не перед храмом, не перед богами — что больше никого не отдаст тьме без борьбы. Вот почему крепость всё ещё стояла. Не потому, что её стены были достаточно толстыми. Не потому, что солдаты были достаточно сильными. И даже не потому, что они знали все правила. Она стояла потому, что внутри неё люди помнили друг друга. А человек, которого помнят, не исчезает окончательно. Он продолжает жить в чужих руках. В чужих глазах. В чужих привычках. В чужом страхе. В чужом решении закрыть ворота. И когда тьма однажды приходит голосом мёртвого, она обнаруживает, что говорит уже не с тем человеком, которого когда-то потеряли. Она говорит с человеком, за спиной которого стоят все те, кого он потерял. И потому иногда любовь заключается не в том, чтобы открыть дверь тому, кого ты любишь. Иногда любовь — это удержать дверь закрытой. Даже когда по ту сторону плачет твой брат. Даже когда зовёт твой сын. Даже когда маленький голос просит помощи. Потому что настоящая память не просит тебя умереть вместе с мёртвыми. Она просит тебя жить. Жить осторожнее. Жить дольше. И не позволить следующему имени появиться в старой книге. В тот вечер Мун снова ударил в маленький колокол. Один раз. Тихо. Чисто. И этот звук разошёлся по всей крепости. По стенам. По башням. По казармам. По двору. По

лекарской. По кухне. По храму. И даже над туманом, где когда-то звучали голоса тех, кого больше не было.

“Мы всё ещё здесь.”

Человек из столицы

Дорога к северной крепости становилась хуже с каждым часом. Сначала она была вполне достойной для государственной дороги. Пусть не широкой, пусть местами разбитой дождями, но всё же достаточно ровной, чтобы по ней могла пройти тяжёлая повозка. Затем камней стало больше. Колёи — глубже. Деревья — гуще. А склоны гор начали подниматься всё выше. Теперь дорога уже не столько вела вперёд, сколько цеплялась за гору, извиваясь между серых скал и старых сосен. Карета качалась. Её деревянные колёса то проваливались в размокшую колею, то с глухим ударом налетали на выступающий из земли камень. Каждый такой удар заставлял молодого чиновника внутри салона морщиться. В очередной раз карета качнулась особенно сильно. Чиновник раздражённо ухватился за кожаную петлю, прикреплённую к стенке.

— Прекрасно... — Глухо пробормотал он.

Напротив него стоял ларец со свитками и документами. Он слегка сдвинулся по сиденью. Он тут же поймал её рукой. Посмотрел на бумаги. Потом — в окно. И снова поморщился. За стеклом тянулся один и тот же пейзаж. Горы. Камень. Редкие деревья. Склоны. Туман. Ещё горы. Ещё камень. Никаких городов. Никаких торговых караванов. Никаких богатых усадеб. Никаких храмов, куда приходят знатные люди. Никаких купцов. Никаких чиновников. Никаких людей, с которыми можно было бы заключить выгодную сделку. Ничего. Именно это раздражало его сильнее всего. Чиновника звали Хо Чжэ. Ему было двадцать девять лет. Для государственной службы он считался ещё очень молодым. Для настоящей политики — почти мальчишкой. Но сам Хо Чжэ мальчишкой себя давно не считал. Он считал себя человеком, который слишком хорошо понимал устройство государства. И именно поэтому был уверен, что однажды поднимется очень высоко. Возможно, гораздо выше, чем позволяла его нынешняя фамилия. Его отец был младшим дворянином. Не нищим. Но и не тем человеком, чьё имя проносили в столице с почтением. У семьи имелось поместье. Несколько десятков зависимых крестьян. Небольшой участок леса. Старый дом за городом. Несколько лошадей. Право носить дворянскую одежду определённого цвета. И всё. Никаких влиятельных родственников при дворе. Никаких крупных военных должностей. Никаких браков с великими семьями. Никакого места среди тех людей, которые могли одним письмом изменить судьбу целого округа. Поэтому Хо Чжэ с детства прекрасно понимал одну простую вещь. Если хочешь подняться выше того места, которое тебе определила семья, тебе придётся карабкаться самому. Медленно. Осторожно. Иногда переступая через других. Иногда улыбаясь тем, кого хочется ударить. Иногда делая вид, что не замечаешь того, что заметил. А иногда — замечая именно то, что выгодно заметить. В столице он уже успел получить репутацию способного молодого чиновника. Не блестящего. Не великого. Но способного. Он умел считать. Умел говорить. Умел слушать. Умел вовремя замолчать. И самое главное — умел понимать, где лежат деньги. Именно поэтому нынешняя поездка раздражала его всё больше. Инспекция. Официальная. Полная. С проверкой снабжения, состояния укреплений, дисциплины, расходования государственных средств, состояния гарнизона и соблюдения пограничных законов. Всё звучало прекрасно. На бумаге. На бумаге такая поездка выглядела возможностью. В реальности же...

Хо Чжэ снова выглянул в окно. Вдалеке между деревьями показался склон. Тёмный. Почти чёрный. Там даже снег, лежавший в расщелинах, казался серым. Хо Чжэ нахмурился. Он уже несколько дней ехал на север и постепенно начинал понимать, почему чиновники из столицы старались избегать подобных назначений. Здесь не было ничего. Совершенно ничего. Даже дороги. Если не считать этой жалкой полосы грязи, которую государство по недоразумению продолжало называть хоть каким-то трактом или дорогой.

Он откинулся на спинку. Закрыв глаза. И принялся мысленно перебирать возможности. Взятки. Нет. Это отпадало почти сразу. На приграничной заставе? У людей, которые каждый

день смотрят на земли демонов? У солдат, которые могут потратить последнюю медную монету на дополнительный мешок риса, новую тетиву или масло для ламп? Нелепо. Хо Чжэ уже успел узнать достаточно. Пограничные гарнизоны вообще отличались странной для него особенностью. Они были бедными. Но не жадными. И именно это ему казалось почти противоестественным. В столице бедный чиновник мечтал стать богатым. Здесь бедный солдат мечтал получить ещё одну пару сапог. И если ему давали немного лишних денег, он скорее потратил бы их на крепость, чем спрятал в личный кошелёк. Причина была проста. На границе человек очень быстро понимал цену вещей. Медная монета здесь могла стать маслом для фонаря. Могла превратиться в гвозди. В наконечники стрел. В соль. В сушёное мясо. В кусок ткани для перевязки. И человек, который пытался украсть такие деньги для себя, быстро становился объектом ненависти. Причём не только начальства. Всего гарнизона. А жить среди людей, которые каждую ночь могут оказаться лицом к лицу с демонами, и при этом заставлять их голодать ради собственного кошелька было не просто опасно. Это было глупо. Даже Хо Чжэ это понимал. Он постукивал пальцами по подлокотнику.

— Бесполезно...

Слово сорвалось с губ само собой. На сиденье напротив него лежала копия распоряжения. Печать ведомства. Подпись. Перечень вопросов. Сроки. Полномочия. Всё как положено. Но за всей этой государственной важностью скрывалась неприятная истина.

Он приехал туда, где почти невозможно было заработать.

А значит, оставалось только одно. Работать. Хо Чжэ открыл глаза. Посмотрел на папку. И впервые за последние несколько часов внимательно прочёл распоряжение.

Его достаточно просто выглядевшую карету сейчас сопровождали десять стражников. Они ехали верхом. Не слишком близко, чтобы мешать лошадям, но достаточно близко, чтобы в случае нападения мгновенно сомкнуться вокруг кареты. На дороге они выглядели куда уместнее самого чиновника. Дорожная броня. Плащи. Короткие копья. Мечи. Луки. У некоторых за спиной висели небольшие щиты. Их лица были загорелыми. На руках — следы старых мозолей. Они не разговаривали без необходимости. Не потому, что боялись Хо Чжэ. Скорее потому, что здесь, среди гор, любой опытный солдат начинал экономить слова. Два молодых чиновника ехали позади. Они были младше Хо Чжэ. Обоим едва исполнилось двадцать. Один отвечал за записи. Другой — за расчёты и копии документов. Они ехали на хороших лошадях и старались держаться так, чтобы не забрызгать грязью одежду. Но это получалось у них достаточно плохо. Оба уже давно были покрыты мелкими пятнами. Но ни один не жаловался. Потому что Хо Чжэ не любил жалобы. Он предпочитал, чтобы окружающие сначала терпели. А уже потом выясняли, как долго способны терпеть. Младшие чиновники знали об этом. Поэтому большую часть дороги молчали. Иногда переглядывались. Иногда один что-нибудь говорил другому. Но стоило Хо Чжэ обернуться, оба мгновенно делали вид, что заняты дорогой. Он это замечал. И не возражал. Такие люди были ему полезны. Пока они боялись его.

Карета снова тряхнула. На этот раз Хо Чжэ не удержался.

— Да что здесь вообще называют дорогой?

Он открыл окно. Холодный воздух ударил в лицо. Сразу стало легче дышать. В салоне пахло тканью, кожей и дорожной пылью. Снаружи пахло лесом. Сырой землёй. Сосной. Камнем. И чем-то ещё. Чем-то едва уловимым. Хо Чжэ высунулся немного сильнее. Горы вокруг становились всё выше. На одном из склонов лес внезапно обрывался. И дальше начиналась совершенно другая земля. Он замер. Даже раздражение на мгновение исчезло. Там не было зелени. Деревья стояли чёрными. Некоторые были изогнуты так, словно росли под сильным ветром, хотя ветер дул в другую сторону. Камни казались покрытыми тёмным налётом. Туман лежал между скалами неподвижно. Не поднимался. Не рассеивался. Просто лежал. Хо Чжэ смотрел на него несколько секунд.

— Это уже территория демонов? — спросил он.

Один из стражников, ехавший ближе всего к карете, поднял голову.

— Нет, господин.

Хо Чжэ нахмурился.

— Нет?

— Ещё *человеческая* земля.

Чиновник медленно повернул голову.

— Вы хотите сказать, что это...

— Граница искажённой зоны.

Ответ прозвучал совершенно спокойно. Хо Чжэ снова посмотрел туда. На этот раз ему стало не по себе. В столице о северной границе говорили редко. О ней знали. Но знание это было книжным. Сухим. Далёким. В учебниках писали о демонических землях. О заражённом тумане. О прорывах. О пограничных крепостях. О потерях. В столице это выглядело как часть государственной системы. Здесь же оно лежало прямо перед глазами. И от одного этого зрелища становилось трудно представить, что всего в нескольких сотнях ли отсюда люди могут спокойно спорить о цене риса. Хо Чжэ закрыл окно. Он не любил вещи, которые заставляли его чувствовать себя маленьким.

Ему вспомнилась столица. Широкие улицы. Каменные мосты. Красные ворота чиновничьих кварталов. Запах жареного мяса. Шум торговцев. Повозки. Музыка. Пьяные студенты. Дети знатных семей. Ворота дворцов. Шёлковые одежды. Тёплые дома. И люди, которые никогда не видели демона. Хо Чжэ всегда считал столицу настоящим центром государства. Там принимались решения. Там раздавались должности. Там решалась судьба провинций. Там люди получали титулы. Там можно было разбогатеть. Здесь же... Здесь можно было умереть. И именно в этот момент ему впервые пришла мысль, которая ему самому не понравилась.

А что, если эта поездка всё-таки может быть полезной?

Осознав её, Хо Чжэ слегка напряжённо выпрямился. Ведь ему уже стало понятно то, что желанных взяток он здесь точно не получит. Это было слишком уж очевидно. Но ведь инспекция — это не только способ заработать. Она может стать способом проявить себя. Если он вернётся в столицу с хорошим отчётом... Если обнаружит серьёзные недостатки... Если предложит разумные меры... Если его заключение будет настолько грамотным, что его заметит кто-нибудь из старших чиновников... Тогда он сможет получить повышение. Не огромное. Но в его положении вполне достаточное. Следующий ранг. Более высокий оклад. Лучший кабинет. Право самостоятельно подписывать часть документов. Больше подчинённых. Больше влияния. А потом...

Хо Чжэ медленно улыбнулся. Потом можно будет двигаться дальше. В империи власть редко давалась сразу. Она накапливалась. Сначала должность. Потом полномочия. Потом связи. Потом титул. А затем человек внезапно обнаруживал, что его имя уже произносят за закрытыми дверями. Хо Чжэ хотел именно этого. Он хотел, чтобы однажды люди перестали говорить:

“Сын младшего дворянина Хо.”

И начали говорить:

“Господин Хо.”

А ещё лучше:

“Хо-даэсин.”

Высокий чиновник. Человек с печатью. Человек, чьё решение имеет вес. А если повезёт... И придворный титул. Не самый высокий. Пока. Но титул. Он уже видел себя в новом доме. Слуги. Сад. Собственные ворота. Личная печать. Официальная одежда другого цвета. Люди, кланяющиеся при его появлении. Возможно, даже брак с дочерью более влиятельной семьи. Возможно, место при одном из министерств. И всё это... Хо Чжэ задумчиво, и даже мечтательно посмотрел на горы... могло начаться здесь. На совершенно никому не нужной заставе.

Подумав об этом, он коротко усмехнулся. Как же нелепо.

— Господин.

Хо Чжэ повернул голову. Младший чиновник подъехал ближе.

— Что?

— До крепости около двух часов.

— Хорошо.

Юноша помедлил.

— Нам сообщить заранее о прибытии?

Хо Чжэ посмотрел на него.

— Нет.

— Почему?

— Инспекция должна быть неожиданной.

Младший чиновник кивнул.

— Да, господин.

И отъехал. Хо Чжэ снова посмотрел в окно. Неожиданная инспекция. Это ему нравилось. Так можно увидеть больше. Если кто-нибудь решит предупредить гарнизон, люди успеют убрать беспорядок. Спрятать недостатки. Подготовить бумаги. Переодеть больных. Поставить лучших солдат на ворота. Всё станет красивым. А ему нужна была настоящая картина. И пусть взятка не будет. Может быть, найдётся что-нибудь другое. Нарушение. Халатность. Старые документы. Неправильно оформленные поставки. Порча имущества. Несоответствие численности. Недостача зерна. Неправильное хранение оружия.

Стараясь не упускать ничего, Хо Чжэ начал мысленно перебирать возможные варианты. В любом гарнизоне что-нибудь да находилось. Не обязательно ради денег. Иногда нарушение позволяло показать собственную значимость. А значимость для чиновника была почти такой же валютой, как серебро. Особенно для молодого. Если он вернётся и скажет:

“Всё в порядке.”

Никто не запомнит его имени. Если скажет:

“Я обнаружил серьёзные нарушения и предложил меры...”

Его могут заметить. А если окажется, что нарушения действительно серьёзные... Тогда его отчёт может попасть выше. Гораздо выше.

Хо Чжэ снова улыбнулся. Вот оно. Значит, эта поездка всё-таки не совсем бессмысленна.

Но чем ближе становилась крепость, тем страннее ему становилось. Сначала появились следы человеческого присутствия. Свежие срезы деревьев. Следы телег. Небольшие мосты через ручьи. Потом показалась старая сторожевая вышка. На ней никого не было. Хо Чжэ нахмурился. Через некоторое время появилась вторая. Там уже стоял человек. Слишком далеко, чтобы рассмотреть лицо. Но он явно наблюдал за дорогой. Потом исчез. Не ушёл. Именно исчез из поля зрения. Хо Чжэ выпрямился.

— Они нас заметили?

Стражник рядом с каретой ответил:

— Наверняка.

— Как?

— Мы слишком *громко* едем. Для этих мест.

Хо Чжэ посмотрел на свою карету. Десять всадников. Два чиновника. Повозка. Обычный сопровождающий отряд. Для тайной проверки слишком много. Он усмехнулся. Конечно. Какая ещё неожиданность? Впрочем, это не имело значения. Если гарнизон успеет подготовиться хотя бы за час, он всё равно найдёт достаточно. По крайней мере, надеялся. Затем дорога вышла на открытый участок. И Хо Чжэ увидел виднеющуюся вдалеке крепость. Она стояла на склоне. Небольшая. Каменная. Старая. Без каких-либо признаков величия. Несколько башен. Стена. Ворота. Деревянные надстройки. Тёмные крыши. Флаг, выцветший настолько,

что цвет уже трудно было определить. Хо Чжэ несколько секунд молчал. Он ожидал большего. Не роскошного дворца. Но хотя бы чего-то внушительного. В конце концов, это была одна из самых важных пограничных точек государства. А перед ним стояло сооружение, которое с расстояния можно было принять за небольшой старый монастырь.

— Это и есть пограничная крепость? — спросил он.

Стражник кивнул.

— Да.

— И сколько здесь людей?

— Сейчас?

— Да.

— Около тридцати бойцов.

Хо Чжэ повернулся.

— Тридцать?

— Примерно. По крайней мере, в последних сообщениях была именно такая цифра.

Он снова посмотрел на крепость. Тридцать человек. На границе демонов. На такой стене. Хо Чжэ впервые за всё путешествие перестал думать о взятках. Он просто смотрел. Ему вдруг стало непонятно, как эта крепость вообще существует. Но затем ему даже показалось, что в далёких воротах появилась фигура. Человек. Старый. Широкоплечий. С прямой спиной. Он стоял неподвижно. Даже на таком расстоянии чувствовалось, что этот человек привык командовать. Хо Чжэ взял свиток. Открыл его. Прочёл первые записи.

“Кан Чжун...”

Начальник заставы...

Пятьдесят два года...

Двадцать семь лет службы на этом участке...”

Хо Чжэ задержал взгляд на этой строке.

“...Двадцать семь лет...”

Затем он медленно закрыл папку. И вдруг подумал о том, сколько вообще людей из столицы смогли бы прожить здесь столько времени? Не получить назначение... Не приехать на неделю... Не провести инспекцию... А именно... Жить... Двадцать семь лет... Здесь...

Хо Чжэ посмотрел на крепость ещё раз. И впервые увидел её немного иначе. Она больше не казалась маленькой. Просто потому, что теперь он знал, сколько времени понадобилось, чтобы она стала такой. И именно в этот момент он ещё не знал, что эта поездка, которую он считал бесполезной для своего кошелька, окажется самой важной инспекцией в его жизни. Потому что впервые ему предстояло проверить не место, где чиновники прятали серебро. Не гарнизон, который пытался обмануть государство. Не начальника, который хотел получить выгоду. Ему предстояло увидеть людей, которые двадцать семь лет удерживали границу практически голыми руками. И впервые в жизни Хо Чжэ должен был решить, чего именно он хочет больше. Получить выгоду... Или получить власть... А власть, как он постепенно начинал понимать, иногда добывалась не там, где лежали деньги. Иногда она находилась там, где остальные люди предпочитали не смотреть. И иногда самый полезный отчёт был не тем, в котором находилось больше нарушений. А тем, который заставлял столицу вспомнить о тех, кого она слишком давно считала просто цифрами в ведомости.

.....

Дорога продолжала подниматься. Казалось, ей не было конца. Когда карета доехала до очередного поворота, виднеющаяся вдалеке крепость исчезла, заслонённая очередной горой. Сначала Хо Чжэ ещё пытался следить за тем, что происходило вокруг. Он несколько раз выглядывал из окна кареты, поправлял складки дорожного халата, раздражённо морщился, когда очередной камень заставлял колёса подскочить, а весь кузов — тяжело качнуться из стороны в сторону. Потом он перестал выглядывать. Потом перестал замечать камни. А спустя ещё

некоторое время перестал замечать и саму дорогу. Его голова медленно опустилась. Подбородок коснулся груди. Хо Чжэ едва заметно вздрогнул, будто собирался проснуться, поднял веки, несколько секунд смотрел перед собой мутным взглядом, ничего не понимая, а затем снова закрыл глаза. Затем он задремал. Сам того не заметив. Впрочем, это было неудивительно. Последние несколько дней он почти не спал нормально. Столица, сборы, бумаги, распоряжения, проверка документов, подготовка охраны, бесконечные разговоры с людьми, которые желали узнать, что именно он собирается искать в этой богом забытой крепости, — всё это отнимало силы. А теперь вокруг не было ничего. Ни разговоров. Ни городского шума. Ни торговцев. Ни прохожих. Ни даже нормальной дороги. Только скрип колёс. Постепенный перестук копыт. Шорох ветвей. И редкий треск гравия под ободами. Такой звук способен усыпить даже человека, который ещё час назад клялся самому себе, что будет бодрствовать и внимательно следить за каждым происходящим вокруг событием. Один из сопровождавших карету стражников зевнул. Он сделал это украдкой, прикрыв рот ладонью. Его товарищ, ехавший чуть позади, заметил это и усмехнулся.

— Не спи.

— Я не сплю.

— Только что глаза закрыл.

— От ветра.

— Конечно.

Оба тихо рассмеялись. Негромко. Чтобы не потревожить чиновника. За несколько часов дороги они уже успели устать настолько, что даже разговор казался лишней тратой сил. Десять стражников Хо Чжэ были хорошими городскими бойцами. Они умели держать строй. Умели сопровождать важных лиц. Знали, как защищать карету на городской улице, как действовать при нападении разбойников, как окружить человека, которого необходимо вывести из опасной зоны, и даже проходили несколько тренировок по отражению атак крупных животных.

Но горная граница всегда была совсем другим местом. И именно этого они пока не понимали. Для них дорога оставалась просто дорогой. Лес — лесом. Бамбук — бамбуком. Туман — туманом. А тишина — всего лишь тишиной. Они не знали, что на границе человеку нельзя позволять себе подобной роскоши. Здесь тишина могла быть предупреждением. Шорох — шагом. Запах — следом. А неподвижный куст иногда оказывался куда опаснее вооружённого человека.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.